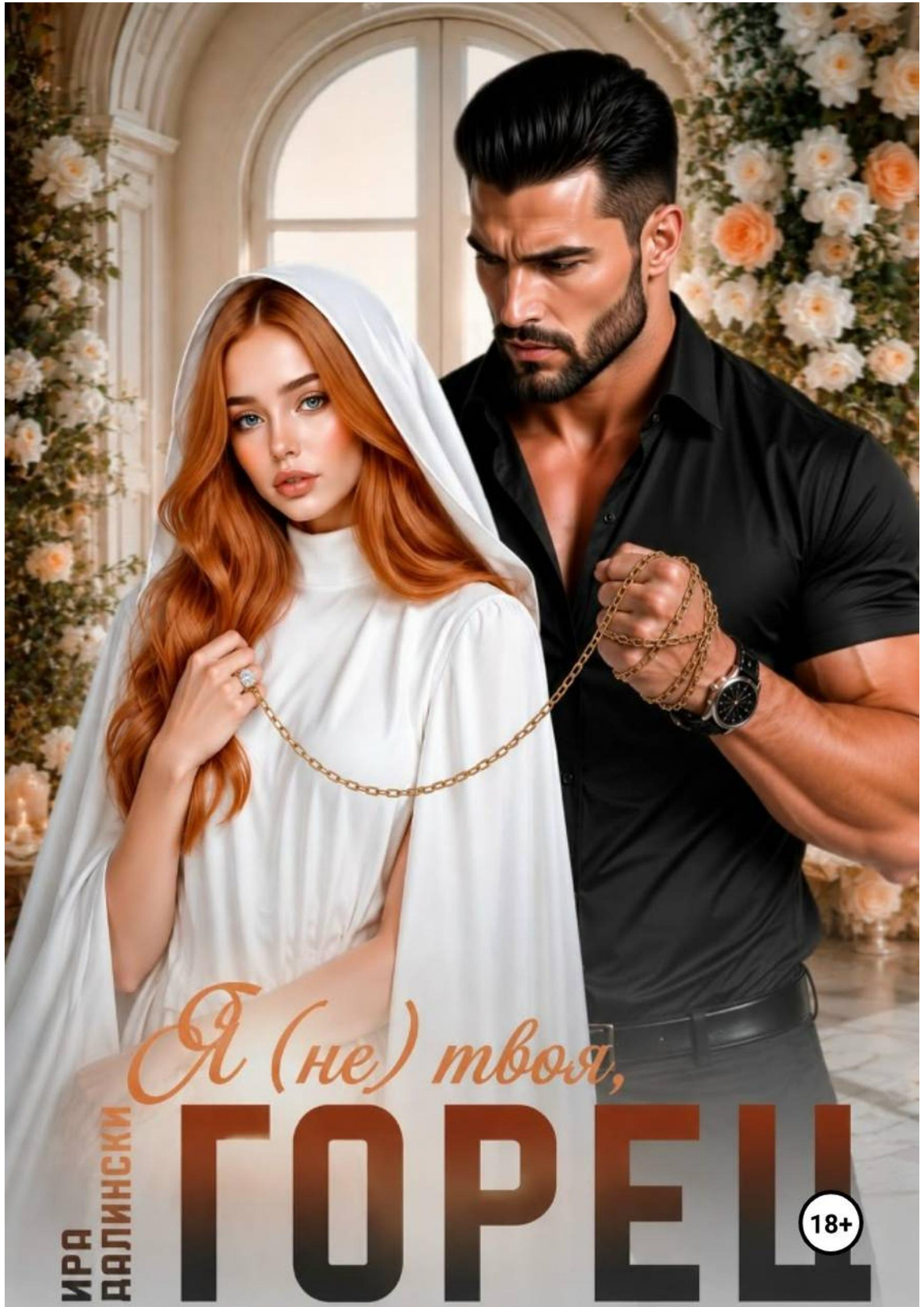

Я (не) твоя,

ГОРЕЦ

**ИРА
ДАЛИНСКИ**

18+

Ира Далински
Я (не) твоя, горец!

«Автор»

2026

Далински И.

Я (не) твоя, горец! / И. Далински — «Автор», 2026

– Я никогда не стану тебе женой, ясно?! – с ненавистью шиплю я, смотря на роскошно заправленную кровать для первой брачной ночи с этим монстром.– Сегодня я не буду тебя трогать, Алиа. Понимаю, ты очень устала от произошедшего. Затем он пятерней грубо хватает меня за щёки и метая молнии в глазах, обещает.– Но только сегодня. С завтрашнего дня мы закрепим этот брак в постели! И ты безвылазно будешь утолять мой трёхлетний голод по тебе. Моей беззаботной жизни пришёл конец, когда брат украл девушку из влиятельного рода. Теперь по законам гор – чтобы избежать крови – я должна войти невестой в их семью в знак расплаты. Девушка за девушку. Но я никогда не хотела становиться женой Саида! Слишком хорошо помнила его наглые глаза и горячие речи, которые преследовали меня столько лет. Вас ждет:- вынужденный брак, сомнительное согласие, без насилия- сложный (влюбленный) герой- нежная героиня (немного остра на язык)- чуть-чуть жести Всенепременный ХЭ без розовых соплей

© Далински И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	37
Глава 14	41
Глава 15	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Я (не) твоя, горец!

Глава

Пролог

Слабый свет люстры мягко озаряет спальню, выдержанную в классическом стиле, как и весь этот огромный и чужой для меня дом. Приоткрытая дверь балкона впускает свежий воздух, но мне всё равно не хватает кислорода. И дело не в тугом корсете на свадебном платье.

Стены будто сжимаются, дыхание прерывается, а в груди затаился тяжёлый комок страха.

На мне роскошное платье цвета слоновой кости. Изящный атлас плотно облегает талию, спускаясь вниз плавными линиями, образуя подол как хвост русалки; пышные рукава закрывают плечи и руки до локтей, а дальше струятся как белые крылья.

Русые волосы уложены в объёмную распушенную волну словно у принцессы из сказки. Красивой. И бесконечно несчастной.

Мой взгляд прикован к кровати – к единственному предмету в комнате, от которого стынет кровь. Роскошное убранство, дорогие ткани... Всё это вызывает лишь отвращение. Мысль о том, что сегодня я буду спать здесь, рядом с ним, пронзает ледяным ужасом.

– Ты помнишь тот день? – раздаётся за спиной мужской голос, сопровождаемый тяжёлыми шагами.

Я вздрагиваю, медленно оборачиваюсь к нему корпусом. Перед глазами – человек, ставший сегодня моим мужем.

Слова не идут с языка, тело измучено, силы на исходе. Зачем судьба так жестока? Почему я должна стать женой того, кого не хочет сердце? Почему я должна расплачиваться за чужие ошибки?

– Помнишь, что сказала мне три года назад? – Саид приближается, голос звучит обманчиво мягко, но в нём слышна неприкрытая ненависть.

Я столько раз отказывала ему...

Мы стоим на расстоянии вытянутой руки. Заставляю себя смотреть ему в лицо, скрывая страх за маской.

Его чёрные глаза изучают меня с надменным выражением; жёсткие губы, скрытые за тёмной бородой, с презрением поднимаются:

– Хочешь, помогу вспомнить?

Он делает еще шаг вперёд.

Я опускаю взгляд, цепляясь за его костюм. Саид заполняет собой всё пространство, и только сейчас я осознаю масштаб беды.

Саид...

Он огромен.

Великан рядом со мной.

Род Булатовых всегда отличался крепким телосложением и хорошим ростом. Даже женщины.

Тело предательски дрожит. Я пытаюсь взять себя в руки, но каждый взгляд на него зажигает внутри огонь паники.

Я едва достаю Саиду до плеч. Этот человек сделал меня своей женой из мести, из-за прошлого. Что ждёт меня дальше? Смогу ли я защититься в вынужденном браке?

Его стальной взгляд и глубокий голос не сулят ничего доброго.

– «Я никогда не выйду за тебя, Саид. Ты мне не ровня», – произносит он, копируя мои слова тогда.

Я замираю, понимая, что он запомнил всё до последнего слога.

Мне некуда скрыться от его враждебности.

– Слова избалованной девчонки ничего не значат, Алиа, хоть ты и растоптала мою гордость. Не смотря на свой статус, я трудился, чтобы доказать в первую очередь себе свою цен-

ность. А теперь посмотри на себя, – он разводит руки в стороны, взглядом скользит по мне с головы до пят. – Ты говорила, что я тебе не ровня, но сейчас ты в моём доме, в моей спальне, в свадебном платье, которое я этой ночью сниму с тебя, – Саид наклоняется ближе, и от его голоса по спине бегут мурашки. – Скажи, *моя сероглазка*, я всё ещё недостойн тебя?

Сероглазка...

Только он так называл меня за цвет глаз. Только ему можно.

У меня нет ответа. В другой день я нашла бы слова, но не сегодня. Всё, что он скажет, будет правдой – моя жизнь теперь в его руках. Я – его пленница.

– Это было три года назад. Я... просто пошутила, – едва слышно произношу, вспоминая день, который превратил этого человека в одержимого монстра.

– Ты всегда была такой, – он протягивает руку, касается моей щеки. По коже бегут мелкие электрические разряды. – Алия, – большой палец медленно скользит по моему подбородку. – Красивая, как ангел, и чертовка внутри.

Саид резко отводит руку, и кожа горит там, где были его пальцы.

– Ты совсем меня не знаешь, зачем так говорить...?

– О, я знаю, кто ты, – скалится он, вновь пробегаясь по мне, но уже без той искры. – Теперь ты моя жена. Ты – Алия, принадлежишь мне – Саиду Булатову. Нравится тебе или нет, но ты моя до конца наших с тобой дней. Только смерть разлучит нас.

Меня охватывает дрожь. Сдерживая слёзы, я смотрю на кровать, без труда представляя в голове, чем все кончится этой ночью.

Саид замечает мой взгляд, поворачивает голову следом.

Я умру, если он возьмет меня насильно.

Словно услышав мои мысли, мужчина усмехается, а меня злит моё положение и его вседозволенность.

– Я тебе жена только на бумаге! – с ненавистью шепчу я.

Ухмылка Саида гаснет, в глазах вспыхивает опасный огонь. Одним движением он прижимает меня к себе, схватив за талию.

Я не успеваю опомниться, как Саид задаёт унижительный вопрос:

– Ты ещё невинна?

Вспыхиваю, толкаю его в грудь, пытаюсь вырваться, но мои усилия против него тщетны.

– Понимаешь, о чём я?

Он игнорирует мои попытки освободиться, и это, кажется, лишь распаляет его. Пробуждает охоту на жертву.

Я все понимаю.

Ему важно знать, была ли у меня связь с кем-то до свадьбы.

Как ему вообще в голову пришло спрашивать такое у меня? У кавказской девушки!

Да, я несколько лет жила и училась в Москве, но это не повод вешать на меня ярлык. А с другой стороны, если скажу, что у меня было много мужчин, отменит ли он брак?

Нет, Алия.

Это приведет к катастрофе куда больше, чем расторжение брака.

– Молчишь. Значит, сам всё узнаю.

Саид легко толкает меня, а я не удержавшись на ногах, оказываюсь спиной на кровати. Пробую отползти, но тяжёлое платье сковывает движения, тормозит меня.

Саид нависает сверху. Его руки хватают меня за талию, сжимают корсет, не осознавая, какую боль причиняют. Тянут вниз, подминают.

Он разглядывает меня под собой. По глазам вижу, что доволен. Так смотрит охотник, наконец дорвавшийся до желанной цели.

Саид перемещает одну руку с моей талии к груди и, прежде чем я успеваю подумать, с такой силой бесцеремонно рвёт лиф платья, что нежная ткань без труда поддается.

– Что ты делаешь?! – кричу я, прикрывая оголившуюся грудь руками.

Но он не слушает меня.

Срывает рукава с плеч, с треском уничтожает корсет, пока я, задыхаясь от слёз, пытаюсь защитить своё последнее достоинство.

Глава 1

Белоснежная ткань падает лоскутами куда-то на пол.

Саид тяжело дышит, его потемневший взгляд на миг встречается с моим испуганным, и спускается к моей груди, едва скрытой кружевами белья.

Перестая дышать. Хочу закрыть глаза, чтобы не видеть его похотливого взгляда, но не сдаюсь. Не позволю ему увидеть мою слабость.

Когда его горячая ладонь ложится на мой живот, с губ слетает вздох. Контраст наших тел будоражит меня: его большая смуглая ладонь на моей бледной коже.

Пальцы Саида игриво скользят вдоль белья, намекая на то, что может произойти дальше. Я проклинаю себя за то, что надела это кружевное бельё невесты. Лучше бы пришла в чём-то уродливом, чтобы у него не возникло ни малейшего желания. Но мама настояла...

Нет, я не переживу эту ночь. Лучше умереть, чем позволить ему подавить меня.

Слёзы все-таки прорываются и текут по щекам, несмотря на все попытки их сдержать. Мой всхлип привлекает его внимание. Саид отрывается от моих бёдер, ставит руки по обе стороны от моей головы, опускается так низко, втираясь в меня, что я чувствую... его твёрдость.

Он смотрит мне в глаза, не моргая. Я же сгораю от стыда, не зная, куда деться. Никто никогда не видел меня обнажённой. И уж точно я не хотела, чтобы первый раз произошёл с человеком, который меня принуждает.

– Сегодня я не буду тебя трогать, *сероглазка*. Я не монстр. Понимаю, что ты устала от всего, что произошло, – он грубо хватает меня за щёки, заставляя смотреть, как в темных глазах сверкают молнии. – Но только сегодня. С завтрашнего дня мы закрепим этот брак в постели! Ты будешь подо мной, пока я не утолю свой трёхлетний голод. А в прочем, не думаю, что мне когда-либо надоест. Так что, выход только один, моя Алия. Смириться и покорно принять меня.

Глава 2

События до пролога

С возвращением на Родину после учёбы в Москве каждый мой день начинается одинаково.

Наравне с остальными обитателями дома я встаю в семь утра, умываюсь и иду на кухню, чтобы помочь с завтраком. Я обожаю готовить завтраки для нашей семьи. Для меня первый прием пищи имеет свою волшебную атмосферу, когда, пропуская свежий воздух, еще не нагретый солнцем, сквозь открытые двери и окна, нарезаешь овощи и чувствуешь запах свежеспеченного хлеба.

После завтрака я обычно иду кормить домашний скот и птиц. Здесь я часами могу смотреть на то, как милые цыплята клювами тянутся к пшеничным зёрнышкам. За что конечно получаю от мамы. Она не любит, когда кто-то долго возится с одним делом.

Мой отец разбогател на собственной ферме. С малых лет он держит крупнорогатый скот на отдельном участке, а домашняя птица у нас водится здесь на заднем дворе.

Мама, не смотря, на деньги и репутацию в обществе никогда не воротила носом, наоборот, встаёт рядом с отцом и помогает ему.

Трудно сегодня увидеть, чтобы женщина, до кончиков пальцев увешенная золотом, убиралась в хлеве или разделявала курицу.

В целом, жизнь каждого из нас расписана по часам, но иногда мои планы меняются. Например, как сегодня.

Встав на полчаса раньше, я переоделась в просторную футболку и специальные брюки, которые плотно сидят на бёдрах. Забежала в конюшню.

Изумруд, как всегда, рад меня видеть и знает, что если я пришла утром, то громко фыркать не стоит.

– Ты ж мой хороший, – протягиваю один за другим кусочки яблока, который я стащила на кухне еще вчера во время ужина.

Зная как Изумруд любит ласку, нежно поглаживаю по шее, расчесываю короткую гриву. Не помню почему я решила дать ему именно это имя, но арабский скакун с черной как ночь блестящей шерстью заставил меня подумать о чем-то драгоценном как этот камень.

– А теперь мы тихонько выйдем за ворота, хорошо?

Я имею привычку разговаривать с животными. Мне кажется, они понимают нас, даже если не могут говорить в ответ.

Выведя лошадь на улицу и слегка прикрыв за нами ворота, я умело седлаю Изумруда и даю команду. Холодный ветер тут же освежил мое лицо, заставляя слегка прищурить глаза. Тонкая футболка не совсем подходит для подобных скачек, но другого выбора нет. Не могу же я надеть бриджи с жакетом и сапоги, как те девушки – любительницы конного спорта. Особенно мне нравятся сапоги до колен. Так нравятся, что будь они у меня, я бы могла их носить даже под платьем.

Наше родовое село расположено на самой верхушке горы, поэтому прогулка с Изумрудом обычно заканчивается возле обрыва. Оттуда дороги разветвляются: одна ведёт в город, другая дальше в сёла чуть ниже.

Я люблю смотреть на чистое небо с восходящим солнцем и даю себе пару минут на размышления о своей дальнейшей жизни.

Я счастлива просыпаться в своей детской комнате, за которую изначально со мной состязалась младшая сестра Дамира, но вскоре она вышла замуж и спор решился сам собой. А комнату я обставила по своему вкусу. Благо хотя бы это мне дозволено делать.

Отец очень строг к нам.

Нас всего трое: старший брат Нияз, я, и сестрёнка Дамира.

Когда она выходила замуж, мама негодовала, что некрасиво, когда младшая обгоняет старшую. Но мне вообще всё равно. Она ещё не знает, что прожив светскую жизнь в столице, где я жила у дяди во время учёбы, замуж я не собираюсь. Не скоро, в любом случае.

Я едва успеваю перевести дух, наслаждаясь прохладой и простором, как вдруг Изумруд резко замирает. Ветер, только что ласкавший лицо, стал колким, словно предчувствуя беду. Мои пальцы инстинктивно вцепились в поводья, сердце пропустило удар.

– Тихо, мальчик, тихо, – прошептала я, глядя его по взмокшей шее. Но он не слушал: уши прижаты к голове, ноздри раздуваются, из горла рвётся сдавленный храп.

Я проследила за его взглядом увидела у самой тропы, под кустом цветущего шиповника, змею. Небольшая, серо-бурая, но её голова приподнята, и язык трепетал в воздухе, будто пробуя мой страх на вкус.

– О, Господи...

Это слово вырвалось вместе с выдохом. В ту же секунду Изумруд взвился на дыбы. Его паническое ржание разорвало утреннюю тишину.

– Изумруд! Стой! – кричу я, вцепляясь в гриву.

Но он уже несётся, брыкаясь и мотая головой. Мир превратился в мелькание: зелёные пятна кустов, синее небо, чёрная грива, мечущаяся перед глазами.

Я попыталась вжаться в седло, вцепиться в луку, но седло предательски скользнуло вбок. Мои ноги теряют опору в стремях, воздух со свистом вырывается из лёгких, когда я на миг повисла, держась лишь за гриву.

– Нет! – мой крик потонул в грохоте копыт.

В следующий миг мир переворачивается: я вываливаюсь из седла, лечу вниз...

Мысли о последующей боли догоняют меня, я даже успела подумать о маме, о том, что она скажет, когда найдёт меня с переломанной шеей.

Но удара не последовало.

Что-то твёрдое, но живое подхватило меня в тот самый миг, когда моё плечо почти коснулось земли. Чьи-то руки обхватили меня за талию и прижали к груди.

Мы покатались по траве вместе: я чувствовала, как его тело гасит инерцию моего падения, как его плечо принимает удар о землю, чтобы уберечь меня.

Вдруг все затихает.

Открыв глаза, я понимаю, что лежу на мужчине, который всё ещё удерживает одной рукой мой затылок, а другой поясницу.

Медленно поднимаю голову. Сначала вижу подбородок с бородой, затем сжатые губы, и, наконец, глаза. Чёрные, как угли, в которых я с удивлением увидела не привычную насмешку, а живую, настоящую тревогу.

– С-Саид? – выдыхаю я, пытаюсь отдышаться.

Глава 3

– Ты цела? – раздаётся снизу его низкий, и на удивление, спокойный голос.

Но я чувствую, как напряжены его мышцы.

Я киваю, но тело ещё дрожит. Оглядываюсь: Изумруд в паре метров от нас, нервно топчется, всхрипывает.

Спешу встать, но не могу. Его рука на моей поясице не дает сдвинуться. Наши тела прижаты друг к другу, и я с ужасом понимаю, что чувствую жар его кожи даже через футболку.

Я вспоминаю тот день три года назад – как смотрела на него свысока. Глупая, самонадеянная девчонка. Три года я избегала его, пряталась за столичной жизнью, за учёбой, за чужими улыбками. Тогда я думала, что Москва изменит меня, что я достойна большего. А получила лишь боль от предательства и пустоту.

И теперь, лежа в объятиях того, кому отказала, я чувствую, что мир сузился до его дыхания, до биения его сердца и моего собственного, сошедшего с ума.

– Отпусти меня, – выдыхаю я и пытаюсь отстраниться, упираясь руками ему в грудь.

– Не спеши, – усмехается он. – Ты только что чуть не разбилась. Дай себе минуту.

Даже возразить не могу.

Сердце Саида под моей ладонью бьется тяжело.

Из-за меня.

Эта мысль пугает меня больше, чем падение.

Наконец осмеливаюсь разглядеть его.

Саид изменился. Нет, не внешне. Там всё те же резкие черты, тёмные брови вразлёт, упрямый подбородок с ухоженной короткой бородой.

Но что-то есть в этих глазах...

Раньше в них горело желание, озорство, а теперь – спокойная, почти хищная уверенность. Волосы, чуть отросшие, падают на лоб. Из одежды: деловой костюм, только уже испачканный в пыли.

Он смотрит на меня, и мне кажется, что он знает. Знает, как бешено стучит моё сердце, как горят щёки, как я пытаюсь скрыть, что его близость выбивает меня из равновесия.

– Спасибо. Если бы не ты... – шепчу, пытаюсь собраться с мыслями.

– Просто повезло, – отвечает он, но в уголках губ мелькает та самая усмешка, от которой у меня когда-то закипала кровь. От злости, разумеется. – Или судьба. Как думаешь?

Он ничего не забыл. Конечно, не забыл. Такие слова не забываются.

А теперь я здесь, в его руках, и понимаю, что ничего не изменилось – он всё ещё смотрит на меня так, как смотрел тогда. Как на свою добычу. Как просто... на свою.

Саид взглядом скользит по моему лицу, останавливаясь на губах.

– Ты осталась прежней. Такой же красивой. Такой же упрямой. Такой же... – он замолкает, и я вижу, как его челюсти сжимаются. – Чужой.

Он резко отпускает меня, и холодный воздух касается моего тела там, где только что было его тепло. Я поспешно встаю, отхожу на шаг, пытаюсь привести дыхание в порядок. Мои руки всё ещё дрожат, и я прячу их за спину, чтобы он не заметил.

Саид поднимается следом за мной, и я замечаю, как его взгляд медленно, почти изучающе, скользит по моей фигуре. По короткой футболке, которая едва прикрывает бёдра. По узким брюкам, обтягивающим ноги. По моим растрёпанным волосам.

Где-то ржёт Изумруд, но для меня существует только его взгляд: тяжёлый, изучающий, будто он рисует меня заново, по линиям лица, по дрогнувшим ресницам, по сжатым губам.

Я хочу сказать что-то резкое, колкое как раньше, но не могу. Его пальцы сжимаются вокруг моего запястья крепко, почти до боли, и я невольно всхлипываю.

В глазах Саида загорается что-то тёмное, опасное. Я невольно делаю шаг назад.

– Что это на тебе? – голос звучит хрипло, и я понимаю: он не просто раздражён. Он в ярости. Настоящей, звериной ярости, которую он с трудом сдерживает.

– Это... удобно, – бормочу я, пытаюсь натянуть футболку вниз. Бесполезно. Ткань едва доходит до середины бёдер, и я чувствую себя голой под его прожигающим взглядом.

– Удобно? – он делает шаг вперёд, и я вжимаюсь спиной в кору дерева. – Удобно, чтобы на тебя пялились все мужики в селе? Чтобы они видели твои ноги, твою кожу, твои... – он замолкает, сглатывает, и его кадык дёргается. – Ты дочь уважаемого рода, Алия. Или ты забыла об этом в своей Москве?

Знаю, что так нельзя ходить, потому и выскочила с первыми петухами. Кто ж знал, что мне встретится Булатов? И вообще, куда он едет в такую рань? На работу?

Его взгляд снова скользит по мне, и теперь в нём не только гнев – там что-то ещё жадное, собственническое. Всё то, от чего я столько лет убегала. Он будто пытается запомнить каждую линию моего тела, каждую складку одежды, которая так мало скрывает.

– В столице все так ходят, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. – Это нормально.

– Здесь не столица, – отрезает он. – Здесь люди смотрят на тебя и видят не городскую модницу, а дочь уважаемого рода. Ты позоришь семью.

Я резко втягиваю воздух. Слова бьют сильнее, чем он, наверное, думает. Потому что где-то глубоко я знаю: он прав. Но признавать это невыносимо.

– А тебе какое дело? – выпаливаю, поднимая злой взгляд. – Ты не мой брат. Не мой отец. Кто ты такой, чтобы судить?

На секунду в его глазах мелькает что-то похожее на вызов, но тут же гаснет, сменяясь ещё большей жёсткостью. Он наклоняется ближе, так, что я чувствую тепло его дыхания на своей коже.

– Я тот, кто видел тебя настоящей. До всех этих... нарядов. До гордости. До высокомерия. И знаешь что? – его голос становится тише. – Та Алия мне нравилась больше.

Сердце замирает.

Я хочу ответить, найти колкое слово, чтобы защититься, но не могу. Потому что в его взгляде нет ни насмешки, ни злорадства. Там жестокая, беспощадная правда, которую я сама от себя прятала.

– Ты думаешь, мне нужно право, Алия? – его голос становится тихим, вкрадчивым – таким, от которого по спине бегут мурашки. – Если я решу, что ты не выйдешь из дома в таком виде, – он замолкает, и я слышу, как его дыхание становится глубже, – ты не выйдешь. Потому что я не позволю. Даже если для этого мне придётся стоять у твоих ворот каждый день.

Смотрю в его чёрные, горячие, безумные глаза и понимаю, что Саид действительно способен на всё, лишь бы никто не смотрел на меня так, как он смотрит сейчас.

Он отстраняется так же резко, как и приблизился, закрывает глаза на секунду, словно собираясь с силами. Когда он открывает их, его лицо становится спокойным – слишком спокойным, будто он только что выключил в себе бурю.

Он делает глубокий вдох, затем медленный выдох, и поворачивается к Изумруду, который всё ещё нервно топчется в нескольких метрах от нас. Лошадь косит глазом на куст, где скрылась змея, и её ноздри раздуваются от страха.

– Тихо, дружище, – голос Саида неожиданно мягкий, почти ласковый. – Всё уже хорошо. Не бойся.

Он идёт к лошади медленными, размеренными шагами, поднимая руки ладонями вверх, чтобы показать, что он не опасен. Его голос звучит ровно, почти напевно, и я смотрю на него в изумлении. Только что он был монстром, готовым растерзать меня за неправильную одежду, а теперь он говорит с моим скакуном, как с ребёнком, успокаивая его одной только интонацией.

– Ты же сильный мальчик, – продолжает он, подходя ближе. – Ты смелый. Но сейчас нечего бояться. Смотри, – он указывает на куст, где была змея. – Её уже нет. Всё спокойно.

Изумруд дёргает головой, но не отступает. Булатов приближается ещё на шаг, не спеша, без резких движений. Он не пытается схватить поводья, просто стоит рядом, позволяя животному привыкнуть к его присутствию.

Изумруд дрожит, но не отступает. Саид медленно протягивает руку к его шее – туда, где бьётся жилка, где чувствуется жар и напряжение. Лёгкое прикосновение, и лошадь вздрагивает, но не отстраняется. Он гладит её, неспешно, с ритмом, который будто вторит дыханию животного.

– Вот так. Ты молодец, – его пальцы ласково скользят по гриве, по плечу, и постепенно Изумруд начинает успокаиваться. Голова опускается, ноздри перестают раздуваться, тело расслабляется.

Я стою, прижавшись спиной к дереву, и чувствую, как внутри поднимается странная, болезненная волна. Мне страшно, что этот человек – с его яростью и нежностью, с его угрозами и заботой – способен управлять моим сердцем так же легко, как он управляет моим конём. Мне страшно, что я начинаю это понимать.

Саид поворачивается ко мне, и в его глазах уже нет прежнего огня. Только усталая, почти грустная усмешка.

– Видишь? – он кивает на Изумруда. – Он просто испугался. Как и ты. Но я умею успокаивать тех, кто боится.

Я молчу, не зная, что ответить. Его слова висят в воздухе, как предупреждение или обещание.

Саид берёт поводья и ведёт лошадь к тропе, откуда мы приехали. Он не оборачивается, но его голос доносится до меня чётко и холодно:

– Садись и поезжай домой. Пока отец не увидел, в чём ты вырядилась, – он делает паузу, и я слышу, как его голос становится жёстче. – И в следующий раз, Алия... выбери достойную одежду. Чтоб я больше не видел этой... обlipки.

Я смотрю, как он садится в свою машину, как заводит двигатель, как смотрит на меня в зеркало заднего вида, прежде чем уехать. Его взгляд краткий, но острый – говорит мне всё, что он не сказал словами.

Я подхожу к Изумруду и медленно, дрожащими руками, забираюсь в седло. Лошадь фыркает, но слушается. Я отпускаю поводья, позволяя ей выбрать дорогу домой, и думаю о том, что только что произошло.

Булатов спас меня. Успокоил моего коня. Он смотрел на меня так, будто я – единственный остров в его бушующем море.

Я злюсь на него. Ненавижу его за эту грубость, за эту собственническую наглость, за то, что он смеет указывать мне, что носить и как жить, не имея на это никакого права. Но почему-то мои руки, сжимающие поводья, всё ещё дрожат не от страха. А от того, что в его глазах я видела не просто ярость и собственничество. Я видела страх. Он боялся за меня. Он испугался, что я упаду и разобьюсь.

И от этого понимания мне становится ещё страшнее.

Глава 4

Саид

Я ехал в город на работу. Снова бесконечные встречи, отчёты, дела. Утро выдалось серым, но не хмурым: солнце пробивалось сквозь облака, а воздух пах свежестью после ночного дождя. Я уже свернул на просёлок, как вдруг заметил всадницу вдали.

Сначала просто силуэт: стройная фигура в седле, ветер треплет светлые волосы. Потом лошадь вскинула голову, заржала и я резко сбавил скорость. Пригляделся.

Алия.

Хмыкаю.

Моя строптивая коза. Вернулась из своей Москвы, будто и не было трёх лет разлуки. Будто не она бросила мне в лицо: «Ты слишком прост для моих планов».

Я остановил машину у обочины, вышел. Она меня ещё не видела, сосредоточенно успокаивая лошадь, шептала что-то, натягивая поводья. Я шагнул ближе, и вдруг, Изумруд взвился на дыбы.

Я рванул вперёд, не думая, не считая шагов.

Она падала, но я успел поймать.

Моё тело сработало раньше разума: руки обхватили её, прижали к себе, и мы покатались по траве. Я инстинктивно прикрыл её собой, чувствуя, как колотится сердце от её близости и страха за маленькое тело.

Глупышка! Сколько раз её отец ругал за подобные гулянки? Может, когда переломает себе всё, тогда и успокоится?

Когда всё замерло, я увидел её лицо в сантиметрах от моего. Красивые серые глаза широко раскрыты, нежные губы с персиковым оттенком чуть дрожат.

– С-Саид? – выдохнула она.

Я едва сдержал улыбку. Всё та же. Гордая, испуганная, прекрасная.

Но стоило мне опустить взгляд ниже, как внутри вскипела злость – смешанная с чем-то тёмным, жадным.

Что это на ней?

Короткая футболка едва прикрывает... округлую задницу. Узкие брюки обтягивают бёдра, подчёркивают стройные ноги. Я невольно сжал пальцы на её руке. Взбесился.

Кто ещё видел её такой? Кто ещё смотрел на эти линии, на эту кожу, на этот изгиб?

– Что это ты надела на себя, Алия? – голос звучит жёстче, чем я хотел бы, но я не могу иначе.

Она пытается прикрыться, вытянуть футболку вниз. Бесполезно. Я вижу всё. Чувствую всё.

Внутри клокочет: «Сними это. Надень то, что скроет тебя от чужих глаз. Только я могу смотреть». Где-то глубоко я понимаю: дело не в приличиях. Дело в том, что я не хочу, чтобы другие видели. Чтобы другие желали. Чтобы другие осмелились взглянуть.

Но я молчу. И продолжаю разглядывать: жадно, почти непристойно. Её смущение, её гнев, её растерянность. Всё это – моё.

Хотя она никогда не признает.

Потом я успокаиваю Изумруда. Лошадь дрожит, но поддается моему голосу, моим рукам. Я знаю, как говорить с теми, кто боится. Знаю, как внушать доверие.

И вдруг понимаю: Алия такая же. Боится. Не змеи. Меня. Себя.

Я сажусь в машину, смотрю, как она направляется к домам такая лёгкая, стройная, непорочная. Хочу развернуть машину, догнать, но вместо этого жму на газ.

Когда я почти выехал из округа, мне позвонили из дома.

– Саид, – голос матери дрожит. – Зулихан... Зулихан пропала.

Мир на секунду останавливается.

Зулихан – моя младшая сестра. Единственная дочь и человек, ради которого я готов бросить всё.

– Где её видели в последний раз? – спрашиваю, уже разворачивая машину.

– Так... ночью. Захожу к ней на учёбу будить, а её нет... Она так никогда не делала, понимаешь?

Я жму на педаль. Алиа, её глаза, её фигура – всё стирается из головы. Сейчас есть только одна цель: найти сестру. Пока не стало слишком поздно.

Глава 5

Мой день обычно быстро заканчивался за домашними хлопотами и несмотря на то, что свободного времени у меня бывало меньше, я проводила его с пользой. Читать я научилась в пять лет, поэтому мой комод забит книгами, а не одеждой с безделушками. Впрочем, и то и другое у меня всегда в достатке. Мама считает, что двух-трех платьев хватит на сезон, а про книги я вообще молчу. В Москве не приходилось прятать от неё покупки через маркетплейсы, а здесь всё на виду.

И вообще, не понимаю я такого расклада, когда ребёнка отправляют в другой мир учиться и заставляют потом возвращаться. Что мне здесь делать? Кому тут нужен мой диплом маркетолога?

С тоской возвращаюсь обратно домой. Мама не очень одобряет мои подобные вылазки. Конный спорт считает чисто мужским делом. А чем тут ещё заняться? Ни бассейна, ни спортзала, ни-че-го.

И машину мне не разрешают водить. Вон у дяди дочка покрытая с ног до головы, а гоняет как Шумахер в столице.

Завожу лошадь в конюшню, даю немного воды, на улице летняя жара. Мой мечтательный взгляд застрял где-то между полом и ведерком в руках, как с улицы раздаётся гневное:

– Алия!

Ныряю в реальность, услышав голос отца.

Выхожу на передний двор и прежде чем понять, что мне окончательно крышка, я увидела в отцовских руках свою самодельную рогатку.

– Алия!

В этом доме почему-то все неприятности всегда происходят со мной. Брат Нияз всерьёз называет меня ходячей катастрофой. А ещё я поняла, что не успела переодеться. Отец увидит сейчас меня в брюках и таких люлей даст, мало не покажется. У него хороший нюх, вдруг ещё узнает, что я каталась на Изумруде, вообще голову оторвёт.

Уже подходя ближе, я собираю распущенные волосы в хвост и перед отцом предстала как положено. Ну, почти.

Моего отца зовут Ахмед. Но в нашей культуре никто не зовет родителей по именам. Особенно младшие.

Он стоит посреди двора, зажимая в руках мою рогатку, и сверля меня тяжелым строгим взглядом. Мне резко стало холодно: то ли из-за ветра, то ли от волнения. Отец уже одет в свою простую рабочую одежду. Это означает, что он тоже встал чуть пораньше.

– Ты снова бросалась камнями в сыновей Тахира! – грозный голос эхом разлетелся по стенам дома. Я сразу поняла в чем дело. Сорванцы!

– Они хотели подкинуть змею, когда я каталась на Изумруде, – мой голос пропитан мольбой, в надежде, что родитель меня поймет. – Отец, ты же знаешь, что, если напугать лошадь, она опасна. Я всего лишь защищалась от этих несносных..., – со стороны послышался легкий кашель. Это мама, появившаяся из ниоткуда, взглядом велит мне замолчать.

Каждый раз стоит отцу отчитать меня, как старший брат считает своим долгом добавить мне двойную взбучку.

– Я не собираюсь выяснять кто виноват, а кто нет.

Отец снова подал голос и мне пришлось оторвать свой взгляд от матери. Та устало покачала головой. Знаю, мне не стоило так себя вести.

– Тебя разве не учили тому, как следует себя вести с мужским полом? Почему ты заставляешь меня краснеть перед соседом, которого я знаю уже тучу лет! – отец начинает повышать

голос и надвигаться на меня, махая перед лицом рогаткой. Всё-таки, этого члена семьи я боюсь больше остальных.

– Я не хотела проявить неуважение...но я была вынуждена защищаться...

Не знаю, чего я пыталась достичь своими оправданиями. Я искренне надеялась избежать конфликта. Не хочу, чтобы отец ругал меня или хуже того наказывал. Если его терпение лопнет, он на всё способен.

– Алия! – даже мама вздрогнула от голоса своего мужа. – Я знаю, что ты и сегодня без спроса взяла лошадь и каталась на ней.

– Отец...

– Я не позволю, чтобы из-за какой-то мерзавки очерняли моё имя. Сколько раз я предупреждал тебя? Сколько раз твоя мать просила тебя оставить детские забавы? Больше никаких конных прогулок. Ни утром, ни вечером. Нога твоя за эти ворота не выйдет! Замуж пора!

– Пожалуйста, не запрещай мне кататься на Изумруде, – в слезах я схватила собравшегося уходить отца за руку. – Умоляю.

Изумруд был моей единственной радостью, моим другом. И сейчас его у меня отбирают.

– Позволь мне кататься по утрам. Я буду аккуратно себя вести, – я кричу вслед отцу, так как он даже выслушать меня не захотел. Нет-нет! Не уходи вот так. – Папа, пожалуйста...

Я побежала к лестнице, чтобы догнать родителя. Может быть, он проявит милосердие. Хотя бы один раз.

В глазах всё размазалось из-за слез: вижу лишь удаляющуюся мужскую спину и неожиданно чей-то силуэт встаёт передо мной. Шмыгнула носом, наивно полагая, что мама вступится за меня, но она всегда на стороне своего мужа.

Мне только сильнее захотелось плакать.

– Мама..., – я посмотрела на черноволосую, невысокого роста женщину, но даже она покачала головой и ушла на кухню, что располагалась тут во дворе, во встроенной комнате.

Я хочу побыть наедине. Выплеснуть обиду, которая комом засела в груди.

В своей комнате я могла вдоволь выплакаться, не боясь, что меня кто-то может услышать. Эти четыре стены были моей крепостью в самые худшие дни.

За все годы, что я живу в доме Ахмеда, ни один член семьи никогда не напоминал мне о моём прошлом. Я знала, что меня не обязаны любить и никогда не просила их любви. То, что эти люди стали мне семьей, уже было подарком судьбы, потому что своей у меня давно нет.

Мне было около четырех лет, когда отец нашел меня среди развалин. Я не помню что случилось. Не помню лиц своих настоящих родителей. Не помню свою прошлую жизнь. Возможно, наш дом сгорел, возможно, война... или случилось еще что-то. Знаю только то, что из-за стресса я была замкнутым ребёнком. С одной стороны, я считаю это к лучшему. Помни я про своих родителей, мне было бы намного тяжелее оплакивать тех, кого уже не вернуть. А с другой...Я думаю какой бы моя жизнь могла быть, если бы они были живы.

Наверное, у этой истории был бы другой конец. Но я благодарна за всё, что для меня сделал папа Ахмед. Вырастил и любит как своего ребёнка.

Оставшись одна, я заканчиваю завтрак и иду на задний двор.

Высыпая корм птицам, я еще прокручивала в голове слова отца: «Замуж пора». Эти слова никак не хотели покидать мою голову. Надеюсь, отец сказал так в порыве гнева. Я не хочу замуж. Более того, я даже не знаю за кого пойду. Ни один здешний мужчина не подходит под мой идеал будущего мужа. Я не хочу сидеть дома, рожать детей и просто заниматься бытом.

Но видимо у судьбы были другие планы на это утро.

Я вышла во двор с веником в руках, чтобы подмести, как увидела у ворот брата Нияза... Который держится за руку с какой-то незнакомой мне девушкой.

– Отец! – крикнул он.

Прежде чем остальные собрались во дворе, я поняла, что натворил Нияз.

Глава 6

Отец, как и положено главе рода, спускается первым. За ним мать, а следом во дворе застыла и я.

Мы трое устремили шокированные глаза на сплетённые руки Нияза и незнакомки. Это так порочно – стоять перед родителями вот так... Прикосновения к противоположному полу запрещены до свадьбы, и, если Нияз привёл в дом эту девушку, это означает только одно: он выбрал её в качестве своей жены.

Тишина давит, словно каменный свод. В ушах стучит так громко, что я едва различаю шёпот матери рядом. Она стоит прямо, но я заметила, как дрогнули её пальцы, сжимая край платка. Отец не шевелится – лишь взгляд, тяжёлый и немигающий, скользит по лицам виновников этого дерзкого поступка.

Нияз не опустил глаз. Его рука по-прежнему крепко держит ладонь девушки, будто он заранее готовился выдержать любой шквал. Сама же незнакомка... Она не прячется за его плечом, не пытается съёжиться под нашим осуждающим взором. Напротив, она стоит ровно, с достоинством, хотя я вижу её смущение.

– Ты осознаёшь, что натворил? – голос отца прорвал тишину.

Нияз выпрямился ещё сильнее.

– Осознаю. Но я не стыжусь своего выбора. Она станет моей женой. Мы оба хотим этого.

Мать тихо вздохнула, а внутри меня всё сжалось: такого ещё не бывало в нашей семье. Никто не объявлял о намерении жениться без предварительного согласования, без ритуала смотрин, без благословения старших. Это ... немыслимо.

Девушка наконец подала голос – тихо, но чётко:

– Я готова пройти все испытания, чтобы стать частью вашего рода.

Её слова звонко повисли в воздухе. Я вгляделась в её лицо: тонкие черты, тёмные глаза, упрямый изгиб губ. Она не выглядит испуганной, скорее решительной. И это пугает ещё больше.

Отец медленно шагнул вперёд.

– Испытания? Ты думаешь, дело лишь в обрядах? Ты поставила под удар честь семьи одним своим присутствием здесь. Твой отец отказал мне, когда я просил твоей руки для своего сына.

Нияз сделал едва заметное движение, словно хотел заслонить её собой.

– Она не виновата. Я привёл её. Я отвечаю за это.

Походу, я одна тут ничего не понимаю, поэтому тихо спрашиваю у матери:

– Кто она, мама? Откуда?

Она глубоко вдыхает, будто набираясь сил.

– Она из рода Булатовых... Саида помнишь? Его сестра.

Эти слова ударили меня холодком. Булатовы. Саид. Ситуация многократно усложняется.

Я поймала взгляд брата и поняла, что это не мимолетный порыв. Нияз не отступит. А она... она готова сражаться.

Отец скрестил руки на груди.

– Пойдём. Мы обсудим, как исправить содеянное. А пока – она не должна покидать женскую половину.

Нияз кивнул.

– Спасибо, отец.

Зулихан склонила голову, словно ей неловко, но это она только что стояла перед старшими за руку с человеком, который даже не стал ей мужем. Только сейчас до неё, кажется, дошло, что начинается настоящая жизнь со всеми её тяжкими правилами.

А я стою, не в состоянии сделать шаг и думаю: что будет с нами всеми теперь?

Чуть позже, когда брат всё рассказал отцу, (конечно, я подслушивала у двери) папа позвонил отцу девушки. Достопочтенному Имрану Булатову. Даже из-за закрытой двери я слышала крики из телефона. Никогда не пойму зачем идти против родителей. Ну, не хотел её отец выдавать дочь замуж за Нияза, так оставь. Зачем позорить свою семью, нас, сбегая, взявшись за руки?

И Нияз хорош. Наверняка подстрекал девушку, он никогда не умел думать о последствиях даже в таком возрасте.

Разумеется, узнав, что Зулихан у нас, Булатовы ворвались в дом, вражески настроенные. Сестру Саида я никогда не видела, но зато заочно знакома с его двумя братьями. И рука одного из них опасно лежит на кобуре с пистолетом.

Мы с Саидом встречаемся глазами. Там на дне витает первобытная ярость. Полыхает необузданный огонь.

– Мы пришли за нашей сестрой и расплатой, – говорит он, отрывая от меня колющий взгляд.

Глава 7

Во дворе стоит холодная тишина. Никто не осмеливается сдвинуться с места, потому что малейшее неправильное движение или слово будут расценены Булатовыми как угроза, вызов.

Однако, в сложившейся ситуации мой отец вынужден защищать своего ребенка.

– Имран, давайте пройдем в дом, поговорим с глазу на глаз.

– Мне не о чем говорить, Ахмед! Твой сын сошел сума, посягнув на самое святое! Моя дочь – моя честь! И честь своих братьев. Я не позволю кому-либо запятнать её.

– Но ведь... Ничего страшного не случилось. Послушай, мне неловко говорить откровенно в присутствии детей. Прошу, зайдите в дом.

– Сначала отдайте мою дочь, – стоит на своем Имран и мне кажется, его сыновья не шутят, когда тянутся к оружию.

Даже Саид. Враждебно смотрит на моего отца. И стоило выйти Ниязу на улицу, как он срывается с места, и нападает на моего брата с кулаками.

– Ты как посмел, подлец? Как посмел тронуть мою сестру?

Удары следуют один за другим, пока мужчину не отгаскивает собственный отец.

– Саид, прекрати! Мы еще спросим с него, но пока мы пришли за вашей сестрой.

Имран выжидающе смотрит на моего брата и тот говорит:

– Зулихан никуда не пойдет с вами.

Саид, едва успокоившийся, услышав дерзкое заявление, срывается и снова набрасывается кулаками.

– Довольно, – рывкает мой отец. – Дракой мы проблему не решим. Повторю снова: зайдите в дом. Мы спокойно всё обсудим.

Их острые взгляды не смягчились, но Булатовы выполнили просьбу отца.

Нам, женщинам, велено не светиться, но мама не смотря на обстоятельства поставила чай. Зулихан, к слову, тоже с нами на кухне, однако мама решила вообще с ней не разговаривать.

Переговоры длились очень долго: в итоге нам пришлось готовить не только чай, но и обед. Не знаю о чём можно столько договариваться, но в общей сложности на разговоры у мужчин ушло около четырех часов. Братья Зулихан то выходили из гостиной, то заходили снова.

Когда же, сервируя для них стол, я уловила сменяющуюся атмосферу, то поняла, что опасность миновала. Они смогли договориться.

Обед закончился, наши «гости» ушли, при этом мне совсем не понравился взгляд, которым меня окинул Сиид Булатов. Смотрел очень странно и неприлично долго, пока мужчины прощались. Время близится к вечеру, а папа всё никак не выходит из гостиной, зато брат со своей невестой счастлив. Муллу для заключения никаха уже позвали.

– Алия, – раздалось вдруг на пороге кухни.

– Да, папа?

– Позови свою маму, зайдите в гостиную.

Я сразу насторожилась. Тон у отца был не только серьёзный, но и настороженный какой-то.

Мы с мамой зашли вместе. Садится никто не стал, и так все нервы на пределе.

– Вам неинтересно узнать какой ценой мы закрыли это дело?

– Мы ждем, что ты расскажешь, – отстраненно отвечает мама, скрестив пальцы перед собой в замочек.

– Я расскажу. Но, – папа поднимает указательный палец. – Это решение не подлежит обсуждению или осуждению, понятно?

– Конечно, муж мой. Только скажи, что всё в порядке. Что Булатовы не будут мстить, ведь их дочь сама сделала свой выбор.

– Имран разочаровался в своей дочери. Не так он её растил. Человек планировал выдать дочь за сына нефтяного магната, которому она приглянулась. Узнав об этом, Зулихан предложила нашему непутёвому сбежать.

– Столько проблем из-за несносной девчонки! Почему ты не вернул её отцу?

– Потому что они любят друг друга и... после того, как они заявили, взявшись за руки, нельзя выдавать Зулихан за другого.

Любят друг друга? Этой причины значит достаточно?

– Хорошо, допустим, – не унимается мама, подозрительно косясь на моего отца. – Есть же еще что-то? Как ты их убедил?

Спина отца напрягается, он делает небольшой полуоборот и смотрит прямо в мои глаза.

– Я обещал им твою дочь.

Глава 8

Не поняла...

Дочь – это... Меня что ли? Кому? Булатовым?

Папа, ты совсем рехнулся?

Вот так мечутся мои мысли, пока я немигающим взглядом смотрю в глаза своему отцу.

– Ахмед, ты что такое говоришь? – у матери шок не меньше моего.

– Как есть говорю. Древний обычай. Раз мой сын украл из их дома невинную девушку, то должен заплатить тем же.

– Не крал он ее! Она сама с ним пришла! – взрывается мама.

– Не имеет значения. Факт свершился. Алия, – вздрагиваю, – Ты станешь женой Саида. Старшего сына Булатовых.

Нет-нет-нет-нет.

Хочется сопротивляться вслух, но папа говорил, чтобы не смели оспаривать их решение. Но это же безумие!

– Это ты им предложил? Как ты мог, Ахмед, не посоветовавшись со мной? Она же наша дочь! – кричит на него мама.

– Старший сын так захотел. Ему как раз пора жениться. Саид – человек с характером. Крутится с серьезными людьми. Может, у нашей дочурки гонор поубавится?

– Ахмед, не надо так...

Но я уже выхожу. В ушах что-то гулкое, закрывает внешние звуки. Не помня себя, ухожу в свою комнату, забираюсь в кровать.

Девушка за девушку.

Древний обычай.

Все правильно. Но мне от этого решения нелегче. Кто-угодно, только не Саид, потому что я поклялась тогда в прошлом, когда он решил сделать мне предложение.

«Никогда, Саид. Я никогда не стану твоей. Москва мне понравилась, я уже перешла на второй курс и не собираюсь возвращаться».

Всхлипываю. Какой душой я была, раз так думала. Я ведь правда верила, что отец меня в столицу отправил за лучшими мечтами.

Булатов... Он же совсем не подходит мне. Неотесанный мужлан, который только и думает, как меня присвоить и вот судьба улыбнулась ему. Но клянусь всем, что во мне осталось: я не сдамся. Не позволю ему сломить себя. Если для того, чтобы не развязать войну, необходимо пожертвовать своим личным счастьем, что ж... так тому и быть. Но я обещаю испортить его и Саиду.

После ужина, на который я так и не спустилась, ко мне заходит мама. Она молча садится на край кровати и ласково гладит меня по волосам. Я опускаю глаза. Мне всегда становится так стыдно, когда мама не ругает даже, просто поясняет. В любом случае, я не хочу разочаровывать её.

Понимаю, что её коробит. Что говорить о чужих детях, когда своих воспитывать нелегко? Она мой ангел-хранитель. Всем была непривычна маленькая Алия, вечно путавшаяся под ногами. Будучи ребенком, я пыталась быть тихой, не мешать никому. Мне казалось, если я рассержу кого-то, меня выбросят на улицу, и я снова останусь без семьи. Пускай меня и ругали, наказывали, я все же склонна считать, что ко мне не было несправедливости. За стеной моих слёз неизменно ждала её заботливая поддержка.

Многим девушкам здесь в селе запрещено выходить на улицу без взрослого. Про свидание я вообще молчу. Я счастливица, потому что отец не был настолько строг со мной. Если

я успевала сделать все дела, то мне разрешалась прогулка до заката солнца, в силу того, что наше село небольшое, я и не могу уйти далеко.

Несмотря на запреты многие умудрялись тайком встречаться с возлюбленными. Например, Дамира частенько брала меня с собой, якобы на рынок, оставляя меня ждать у чьей-то прилавки, а сама уходила куда-то. Возвращалась быстро, и вся с улыбкой до ушей. Думаю, за своего любимого человека она и вышла замуж.

А что касается меня... то я всегда мечтала встретить человека со светским образованием. Не просто корочка с вуза, а мозги в голове. Мечтала о спокойной жизни, но теперь о ней можно забыть. Булатовы – большой род, и судя по мировоззрению Саида, консервативный.

Смогу ли я принять новую реальность?

Глава 9

Саид

На телефон матери пришло сообщение от Зулихан. Если коротко, то моя сестра решила выйти замуж, просто уйдя добровольно из дома.

Отец души в ней не чаял: все покупал, все дарил. Зули имела куда больше свободы, чем женщины в нашем роду. Единственная дочь, потому что.

И что она сделала?

Вышла замуж, как бесприданница.

Для отца ее выходка стала сильным ударом, потому что это прямое неуважение к собственной семье. Сбежать с мужчиной без согласия и благословения родителей, тайком – грязное пятно на репутации рода.

Поэтому мы с братьями собрались в дом Ахмеда Султанова – человека, чью дочь я жаждал взять в жены три года назад.

Теперь все усложняется. Меч вытащен из ножен. Перемирие невозможно.

Попадись мне, Зули, на глаза. Своими руками выпорю.

Чего ей не хватало? Вот чего?

Я рванул к своей машине, братья уже ждали меня снаружи. Мотор рычал, словно разделяя моё негодование. Дорога до дома Султановых заняла считанные минуты, село небольшое, все находится рядом.

В голове крутились одни и те же вопросы: «Как она могла? Почему не поговорила с нами? С матерью?»

В доме Султановых проходят напряжённые переговоры между моим отцом и Ахмедом, который неустанно стоит на своём:

– По нашим обычаям, если девушка уходит по своей воле, она становится женой того, к кому пришла. Мой сын не похищал её. Они любят друг друга.

– Любовь? – перебил я, надменно усмехаясь. – Такой поступок – позор для рода. И за позор полагается расплата.

Отец кашлянул, давая знак держать себя в руках.

Мало того, что Зули не сообщила семье о своем намерении, так пошла против слова отца.

– Что вы хотите? – спросил Ахмед, почему-то глядя прямо на меня.

– Компенсацию. Не деньгами, разумеется. Честью.

Я чувствую напряжение братьев за спиной. Каждый готов ринуться в конфликт, если потребуется.

Эмин скуп на лишние движения, все делает с холодной решимостью. Мурад – младший, самый опасный и непредсказуемый из нас троих. Там, где я говорю, Эмин молчит и наблюдает, а Мурад ухмыляется, готовый превратить слова в сталь.

– Вы знаете наши обычаи, – продолжает Ахмед. – Если девушка уходит в дом жениха по своей воле, она становится его женой. Мы не можем её вернуть.

Я сжал кулаки.

Гнев застрял где-то в горле.

Всё идет не так, как я планировал. Я ожидал, что Султановы испугаются, пойдут на уступки, но они твердо стоят на своем.

Такая стойкость заслуживает уважения, но речь идет о нашей репутации и о моей сестре.

Мой отец наконец вмешался:

– Мы не ищем ссор, Ахмед, но и не можем оставить случившееся без последствий. Позор требует искупления. Если не через кровь, то через другой договор.

Султанов растерялся.

Этот старый, уважаемый человек, глава рода, который всегда держал голову высоко, сейчас стоял перед нами, опустив плечи, и искал выход из той ямы, которую вырыл его сын.

Отец переглянулся со мной. Я знал этот взгляд. Он давал мне карт-бланш.

Ахмед по-прежнему молчал. Его глаза бегали по нашим лицам – от моего отца ко мне, к Эмину, к Мураду. Старик искал лазейку, но понимал: мы не уйдём с пустыми руками.

Внутри клокотала ярость.

Я смотрел на Ахмеда и думал о его дочери. О той, что три года назад посмела сказать мне в лицо: «Ты – не тот, кто мне нужен». А теперь её брат украл мою сестру. Мою кровь.

Но что я мог потребовать? Деньги? Землю? Скот? Это было бы мелко. Оскорбительно для нас обоих. Они бы откупились, и позор остался бы с нами навсегда, как гнойная рана.

Кровь?

Султанов был готов драться. Он скорее умер бы, чем отдал свою семью на поругание. Но его сын Нияз не защищал ни себя, ни отца. Просто ждал, что кто-то решит за него.

Я перевёл взгляд на братьев. Эмин стоял неподвижно, как скала. Его глаза ничего не выражали, но я знал: он готов сделать всё, что я скажу. Мурад, наоборот, наслаждался этим спектаклем. Для него это была игра. Для меня – реальность, в которой я должен был сохранить лицо.

И вдруг, когда тишина стала невыносимой, когда я уже почти скомандовал братьям готовиться к худшему, в моей голове что-то щёлкнуло.

Равносильное.

Отец сказал: «Если не через кровь, то через другой договор». Но нет никакого другого договора. В горах всё просто: либо кровь, либо... либо ты предлагаешь жертву, которая стоит не меньше.

Я стиснул зубы.

Жертва.

Кто может быть жертвой? Кто может заменить честь, которую мы потеряли?

И тут перед моими глазами всплыли светлые волосы, развевающиеся на ветру; серые глаза, смотрящие на меня с вызовом и страхом одновременно. Алия.

Я хотел её и ненавидел за каждое «нет», за каждый взгляд, которым она проходила мимо меня, как будто я был пустым местом. За то, что она уехала и не оглянулась. За то, что я не мог забыть её даже тогда, когда вокруг было столько женщин.

Но ненависть – она ведь такое же пламя, как и любовь. И в этом пламени я видел только одно лицо. Только её.

Я вспомнил, как в прошлом году, на ярмарке в городе, случайно увидел её в толпе. Кто-то из парней попытался заговорить с ней. Я тогда чуть не прибил этого нахала, но сдержался. Потому что она не была моей. Она была свободна выбирать. И она выбрала не меня.

Но теперь у меня есть шанс. Не просить. А взять по праву. По обычаю. По той самой жестокой логике гор, которая уравнивает долг и наказание, позор и искупление.

Ахмед давно искал ей пару, но она отказывалась, будто ждала чего-то. Или кого-то. Глупая. Её никто не ждал, кроме меня. Только я ждал. И каждый день, когда я видел её в селе, я сходил с ума от мысли, что она может уйти в другой дом.

И вот теперь судьба давала мне карту. Единственную.

Я был сыном своего отца, я был Булатовым. Я не имел права прощать обиды, но я мог предложить сделку, которая устроит всех. Им – мир, мне – её.

Я знал, что Ахмед не откажется. Он слишком боится войны. Он слишком любит своих детей, чтобы рисковать ими. И он слишком хорошо знает наш род.

– Я знаю, как вы можете искупить вину, – сказал я, глядя в глаза Султанову.

Он выдохнул. Ожил. В его взгляде промелькнула надежда.

– Говори, Саид. Если это поможет нам решить проблему без крови, я только за.

Мои губы сами собой растягиваются в победную ухмылку. Я знаю, что Ахмед не откажется. Он слишком боится войны, слишком любит своих детей, чтобы рисковать ими. И он слишком хорошо знает наш род.

– Я заберу твою дочь себе в жёны. Ей уже двадцать три. И Алию пристроите, и проблему сына решите.

По лицу мужчины прошел плохо скрываемый шок.

Да, а ты как думал?

Даже если моя сестра добровольно ушла из дома, я не прощу того, что Нияз привел её к себе домой без нашего разрешения как безродную беглянку.

– Сын, это мудрое решение, – поддерживает меня отец. – Так и сделаем, Ахмед. Мы заберем твою дочь к концу недели. Сыграем громкую свадьбу, чтобы всё село слышало, как Булатовы защитили свою честь. Если ты согласен, мы тут же пожмем руки в знак примирения, а если нет... сам понимаешь. Мои сыновья будут мстить.

Исход был ясен как день.

Я не смог сдержать довольного оскала, когда Ахмед Султанов молча протянул руку моему отцу, ставя точку в этом вопросе.

Что ты там говорила, моя строптивая коза? Никогда не будешь моей?

Глава 10

Алия

Сроки ударили кулаком в солнечное сплетение.

Несколько дней, чтобы принять, что мою жизнь перекроили под чужую мерку. Всего-то несколько дней, чтобы смириться с жестоким будущим, в котором я стану собственностью Булатова.

Смотрю на свои руки, которые мелко дрожат. Хочется схватить что-нибудь хрупкое, швырнуть в стену, разбить вдребезги, как разбили мою свободу. Вместо этого я сижу в своей комнате, и смотрю в одну точку на стене. Где-то в глубине рвался наружу дикий крик, что мог бы переполошить всех соседей.

Я не согласна.

Но что значит моё «нет», когда на кону честь двух родов? Если я откажусь, Булатовы не остановятся. Они придут с оружием, и мой брат, и отец, и вся наша семья лягут костями за то, что я посмела перечить. Братья Саида работают в государственных структурах. Они не шутят. Я видела их глаза в тот день, когда они ворвались к нам.

А ещё я видела, как Саид смотрел на меня. Жадно. Торжествующе. Будто уже знал, что рано или поздно я окажусь в его власти. И вот – сбылось.

Нияз, мой глупый, безрассудный брат, натворил дел, а расплачиваться мне. Он получил от Саида разбитые губы и синяки, и я подумала, как мало. Пусть бы ему ещё досталось. Но брат остался цел, а моя жизнь рухнула в пропасть, из которой, кажется, нет возврата.

Чтобы чем-то себя занять я начала раскладывать отглаженные вещи в шкафу. Я чуть не выронила стопку белья, когда на комодѣ зажужжал мой телефон. На экране высветилось имя подруги с нашей улицы. Камилла.

– Аллю? Ками?

Сердце тут же согрелось от её бодрого, звонкого голоса.

– Привет, Алия! Как ты там? Совсем не отвечаешь в чате!

– Ой, ты не поверишь, как я рада, что ты позвонила! – выпалила я, откладывая в сторону вешалки. – У нас тут... – я запнулась, подбирая слово. – Ад.

– Я в курсе. Потому и звоню. Давай встретимся, есть о чём поговорить.

– Подожди... – я замерла, прижимая телефон сильнее к уху. – Ты разве не в городе?

– А вот и сюрприз! Я у тети Жаннеты. Жду тебя внизу, в магазине.

Я сбросила вызов и, не удержавшись, подпрыгнула на месте, едва не ударившись об дверцу шкафа.

Я влетела на кухню, где мать замешивала тесто. Мука белела на её смуглых руках, а в воздухе пахло дрожжами и тем домашним теплом, которое я так скоро потеряю.

– Мам, можно я на пять минут выбегу к Камилле? – я выпалила это, не дав ей и слова вставить. – Она приехала, ждёт у магазина. Очень надо!

Мать выпрямилась, вытерла руки о фартук и строго посмотрела на меня:

– Какой магазин, Алия? Уже темнеет. И отец скоро вернётся.

– Всего пять минут! – я сложила ладони в молитвенном жесте. – Честное слово, я быстро. Она же недалеко, я только туда и обратно. Ничего не случится.

Мать помедлила. В её теплых карих глазах с одной стороны страх перед мужем, с другой – желание дать мне хотя бы каплю свободы, пока она ещё есть.

– Ладно, – выдохнула она. – Но чтобы через десять минут была здесь! Отец не должен узнать, что ты шаталась по вечерам. И...

– Поняла, поняла! – я чмокнула маму в щёку и вылетела за дверь.

Где-то в траве стрекотали кузнечики, а небо над горами уже начало лиловеть, наливаясь густыми, бархатными сумерками.

Дорога вилась вдоль склона, ухабистая, с выбоинами, о которые вечно все спотыкались. Имран Булатов обещал асфальт к весне.

Я почти бежала, мысленно прокручивая в голове предстоящий разговор с подругой и так погрузилась в мысли, что не заметила, как завернула за угол.

Приближающийся звук мотора, и резкий свет, бьющий в глаза.

Передо мной, перекрывая путь, медленно поднимается машина. Я прищурилась, всматриваясь: свет лобового стекла мягко очертил мужское лицо.

Это Саид, будь он неладен.

Его чёрные глаза, эти хищные и пристальные глаза, будто поглощают меня целиком, не оставляя ни тени сомнения: он заметил меня.

Булатов прижал машину к обочине, и я поспешила проскользнуть мимо, но не тут-то было. Водительская дверь открылась, и мужчина не спешно выходит из своей машины. Свет фар падает на его лицо, подчёркивая жёсткую линию скул, тень от бровей, неподвижный, пронизывающий взгляд, скользящий по мне.

После того, что было, я его видеть не желаю до свадьбы. И саму свадьбу не желаю, но кто меня спрашивает? Саид, говорят, сам придумал эту затею с обменом девушек. Будь у меня сейчас в руках камень, огрела бы его, может мозги на место встали бы.

– Куда это ты так торопишься на ночь глядя, Алия? – его голос ровный, но в нём таится угроза.

Я начала глубже дышать в попытке успокоиться, вернуть себе голос, черт возьми уверенность, потому что рядом с ним я превращаюсь в амёбу!

В сгущающихся сумерках его фигура кажется особенно высокой и внушительной.

Я уверенно вскинула голову, стараясь скрыть испуг:

– Не твоё дело! – бросила я с той самой дерзостью, которую мать велела спрятать.

– Не моё? – Саид шагнул ближе, тень от его фигуры легла на пыльную дорогу, почти накрывая мою. – Ты забываешься, Алия, – произносит тихо, но в голосе звенит сталь. – Ты уже не просто девушка с нашего села. Ты – моя. Скоро станешь моей женой. И я не позволю тебе разгуливать по вечерам, будто у тебя нет ни чести, ни долга.

Я дёрнулась, будто от удара, в груди закипает горячая, острая злость, как укол иглы.

– Твоя? С чего ты взял? Свадьба еще не состоялась. Ты не имеешь права диктовать мне, куда ходить и что делать!

Саид усмехнулся словно я сказала суший бред.

– Думаешь, это игра? Слова наших отцов уже сказаны. Договор есть. Ты знаешь это не хуже меня. Так что твои прогулки под луной – это не просто шалость. Это пятно на моём имени и на имени твоей семьи.

Кровь моментально прилила к щекам. Он обвиняет меня, хотя я ещё ничего дурного не сделала. Но Булатов – мой будущий потенциальный муж. Им никогда не нравилось, когда женщина самовольничала.

– Я не твоя вещь, Саид.

– Не вещь, – согласился он, не отводя от меня тягучего взгляда. – Но и не свободная птица. Не теперь. И если ты действительно заботишься о своей семье, ты не будешь испытывать моё терпение.

Между нами висит тяжёлая тишина, пропитанная невысказанными словами и давними обидами. Я сжимаю в руке телефон, пытаюсь найти в себе силы для нового спора, но понимаю, Булатов не отступит.

– Я иду в магазин, – скрипя зубы призналась я.

Мерзко на душе. Как будто отчитываюсь перед ним.

Он просто смотрит, прощупывая каждую трещину в моей броне, каждую тень на моем лице. Потом медленно обводит взглядом дорогу позади меня, затем снова уставляется на мое лицо.

– Одна? Ночью? – в голосе прозвучало не удивление, а осуждение. – Это неразумно.

– А тебе какое дело? – я было шагнула назад, но он тут же сократил дистанцию.

– Большое. Потому что ты – моя, Алиа. Сколько раз мне нужно повторить? И пока этого не поняли все вокруг, я буду следить, чтобы с тобой ничего не случилось.

– Да ничего со мной не случится!

Где-то внизу, у магазина, засмеялись парни, но смех был далёким, будто из другого мира. Они любят собираться там внизу на своих машинах, включать музыку, галдеть до поздней ночи. Сейчас, здесь, между нами, остался только свет фар, его взгляд и это странное, щемящее чувство.

– На пять минут к Камилле и вернусь домой до прихода отца. Это всё, что тебе нужно знать.

Саид медленно отошёл в сторону, освобождая мне путь. Запах его парфюма все еще витает в воздухе. Насыщенный, подавляющий.

– Иди. Но помни: это последний раз, когда ты делаешь что-то без моего ведома.

Я упрямо надуваю щеки, выказывая этим свое несогласие, но больше не отвечаю. Резко развернувшись, почти бегу к огням магазина, чувствуя, как страх в сердце смешался с чем-то ещё – с тем, что я боюсь назвать даже самой себе.

Конечно, Саид молча двинулся следом, оставив свою машину у дороги. Его присутствие давило на плечи, я понимала: даже если я добегу до Камиллы, даже если спрячусь за её смехом, Булатов уже проник в клетку, которую я строила вокруг своего сердца годами.

Глава 11

Дорога вилась вниз, как старая, потрескавшаяся змея. Камни хрустели под моими кроссовками, а воздух с каждым шагом становился гуще, пропитанный запахом сухой травы и нагретой за день земли. Внизу уже мерцали огни магазина Жаннеты.

А возле него, как всегда по вечерам, собрались парни из нашего села – кто на старых «Жигулях», кто на потрёпанных «Нивах». Из приоткрытых окон льётся горская музыка с надрывным голосом певца, смех, обрывки разговоров.

Я невольно замедлила шаг, почувствовав неуверенность. В Москве всё было иначе, здесь же каждый шаг как по стеклу. И мне стрёмно, когда столько мужских глаз смотрят на меня в упор.

Саид тоже остановился в паре метров позади.

– Иди, – бросил он негромко. – Я подожду, пока не зайдёшь.

По крайней мере, ты не дашь меня в обиду, Булатов. В этом хотя бы ты честен.

И я шагнула вперёд, стараясь не смотреть на парней, но боковым зрением видела, их взгляды. Цепляются за каждую юбку. Сколько лет прошло, а они всё те же.

Магазин встретил меня ярким светом, запахом хлеба, сладостей. И оглушительным визгом.

– Алия-а-а!

Камилла вылетела из-за прилавка, как ураган. Её руки обхватили меня так крепко, что я едва не задохнулась. Мы закружились, смеясь и толкаясь, как в детстве, когда бегали по этим же улицам.

– Ты с ума сошла?! – я попыталась отстраниться, но подруга держала мёртвой хваткой. – Почему не сказала, что приезжаешь?

– Хотела сюрприз устроить! – Камила отступила на шаг, но тут же схватила меня за руки, разглядывая с восторгом. – Ты такая красивая! Только волосы зря обрезала! Длинные тебе больше шли, честное слово.

Я фыркнула, но внутри что-то дрогнуло от ее замечания.

Волосы...

Каждая женщина понимает «почему», когда меняет свой имидж.

– Дура ты, Камила. Я так соскучилась.

Мы ещё раз обнялись, на этот раз тише, дольше.

– Ну, рассказывай! – она потянула меня к прилавку, где тётя Жаннета невозмутимо раскладывает товар. – Как ты тут? Что нового? Я слышала, у тебя... – подруга понизила голос до почтительного шёпота, – дела серьёзные наметились?

Я бросила быстрый взгляд в окно.

За стеклом, прислонившись к стене магазина, стоит Саид. Его силуэт чётко вырисовывается в свете фонаря. Он не смотрит на меня, лишь разговаривает с подошедшими друзьями, но я-то знаю – он ждёт. Следит за мной.

– Потом расскажу, – шепнула я. – Всё потом.

Камилла кивнула, но в её глазах уже зажглось любопытство. Она потянула меня вглубь магазина, к стеллажам со сладостями и газировкам, будто случайно загоразживая от окна.

– Значит, так, – зашептала она, придвинувшись ближе. – У меня всего пара дней. Мы должны успеть всё обсудить. Всё-всё. И про Булатова тоже.

Я горько вздохнула несмотря на то, что в душе чуть-чуть потеплело. Хотя кто-то рядом – настоящий, свой, с кем можно говорить без оглядки. И в какой момент сплетни обо мне и Саиде так быстро распространились?

– Ладно, – сказала я, наконец расслабляясь. – Но сначала давай что-нибудь сладкое возьми. Я ужасно соскучилась по нашим любимым шоколадным пончикам.

Мы вышли из магазина, каждая с пакетом сладких трофеев. Камилла тут же вытащила пончик, радостно захрустела, болтая о городе, об учёбе, о парнях. Я понемногу оттаивала – впервые за день я чувствовала себя просто девушкой, которая гуляет с подругой, а не дочерью уважаемого рода, не «будущей женой Саида».

Но не успели мы пройти и десяти шагов, как сзади раздался развязный голос:

– Эй, красавицы! Может, пригласите нас на чай?

И следом общее гоготанье.

Я даже не обернулась – узнала интонацию сразу. Парни из села, те самые, что толпились у машин возле магазина. Камилла уже открыла рот, чтобы осадить их как обычно, но в тот же миг из-за наших спин раздался низкий, стальной голос Саида:

– Рот закрой.

Я невольно вздрогнула. Тишина за нашими спинами стала абсолютной.

Не удержавшись, я обернулась лишь мельком, одним движением глаз.

Саид подошёл к ним ближе и сказал что-то коротко, без эмоций. Парни что-то промямлили, быстро расселись по машинам.

Саид даже не повысил голоса, но в его манере было столько властности, что спорить не решился бы никто. Впрочем, с родом Булатовых никто и никогда не шутит. Отец Саида еще ничего, а вот его дядя, который основался в столице со своей семьей, говорят, тот еще деспот. В их руках крутятся большие деньги, связи и репутация.

Может поэтому я так боялась Саида в прошлом? Да и сейчас...

– Пойдём, – тихо сказала Камилла, дёргая меня за рукав.

Мы двинулись вверх по склону, оставляя позади затихшую компанию. Но через пару минут я услышала гул мотора. Оглянулась – за нами медленно едет машина Саида. Фары мягко освещают дорогу, давая понять: он рядом, как и обещал.

Мы шли уже молча, пока не приблизились к дому Камиллы – старому, но ухоженному, с палисадником, полным цветов. Тут живут ее бабушка с дедушкой, к которым подруга изредка приезжает. Наша дружба прошла многое: и разные вузы, разные города, но связь всегда держим.

Камилла было открыла ворота, как вдруг сзади раздался короткий сигнал.

Мы испуганно обернулись.

Машина Булатова остановилась в нескольких метрах от нас. Окно медленно опустилось. Он не вышел, а просто поманил меня двумя пальцами, и моя бровь скептически взлетела вверх. Он что, зовет меня, как собачонку?

Камила тоже остановилась, прищурилась, наблюдая.

– Чего тебе, Саид? – всё же я шагнула ближе, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Не видишь, я уже дома.

Он пропустил мой недовольный тон и молча протянул руку. В ладони лежит небольшая коробка, которую я сразу же узнаю. Тёмно-синяя, с золотым тиснением. Та самая, из города. Шоколад, который я обожала в Москве, который здесь нельзя было достать ни за какие деньги.

У меня перехватывает дыхание. Боже...

Откуда он знает? Мы ведь даже не говорили об этом... Или говорили? Я не помню.

– Раз будете сплетничать, – говорит Саид, и в его голосе скользнула едва заметная, почти тёплая усмешка, – не забудьте перемыть косточки и мне.

Я открыла рот, чтобы сказать что-то резкое, но не нашла слов. Я просто смотрю на него, на эту коробку, на его невозмутимое лицо и чувствую, как внутри смешиваются раздражение, недоумение и... что-то ещё вязкое.

В этот момент Камилла, не выдержав, подскочила, выхватила коробку с ладони Саида и звонко крикнула:

– Спасибо, Саид! Мы обязательно про тебя поговорим! – затем, схватив меня за руку, потянула к калитке. – Ты чего застыла? В такие моменты надо шустро действовать!

Я растерянно обернулась на ходу. Машина Саида уже разворачивается, фары на миг ослепили меня, а потом исчезли за поворотом.

– Что это было? – прошептала я, указывая на коробку.

Ками тоже в курсе, что это мой любимый. Она ухмыльнулась, прижимая ее к груди:

– А это, подруга, называется «он заинтересован». Идём, у нас полно работы: конфеты, чай и... твои рассказы про этого загадочного жениха.

Глава 12

Я всё ещё стояла у калитки дома Камиллы, сжимая в руках коробку шоколада, когда внутри меня что-то дрогнуло. Я покупала его в Москве, когда хотела себя побаловать, когда жизнь казалась лёгкой и полной обещаний. Здесь, в горах, его нельзя было найти даже в самых дорогих магазинах.

Откуда Саид знает?

Он протянул мне коробку с таким видом, будто это ничего не значило.

Мысль обожгла, как укол иглы. Этот жест казался таким... личным. Будто он заморозился настолько, чтобы узнать у кого-то, но это звучит слишком ванильно. Наверняка это лишь удачное совпадение.

– Ау! – голос Камиллы вырвал меня из оцепенения. – Ты идёшь или будешь стоять как памятник?

Я моргнула, сделала глубокий вдох и шагнула во двор.

На кухне у Камиллы уютно и тесно по-хорошему. Старый деревянный стол, заваренный в стеклянном чайнике чай с чабрецом, вазочка с зефиром и раскрытая коробка шоколада. Я смотрю на неё, и каждый раз, когда взгляд касается золотого тиснения, в груди что-то больно сжимается.

– Ну, – Камилла плюхнулась напротив, поджав ноги под себя, и её глаза загорелись тем самым знакомым предвкушением, – рассказывай. Что между вами происходит?

Я опустила на стул, обхватила ладонями горячую чашку, пытаюсь согреть пальцы, которые вдруг стали ледяными в этот знойный день.

– Ничего, – выдохнула я. – Абсолютно. Он просто... играет как всегда.

– Играет? – Камилла приподняла бровь. – Тебе ли не знать, что Булатовы никогда не играют.

Её пронизательность порой пугает. Она всегда видела то, чего я старалась не замечать.

– Он просто душит меня своим контролем, ведь я теперь обещана ему, – тихо выдала я, глядя на чай.

– А ты хочешь быть его женой?

Вопрос завис в воздухе, как камень, который я носила в груди все эти дни. Я открыла рот, чтобы сказать «нет», но слово почему-то не давалось. Не могла признаться даже себе, что не смотря на колкую ненависть, которая непонятно как во мне зародилась, где-то в глубине сквозь шипы, пробивается что-то острое и пугающее.

Я испугалась этого.

Испугалась больше, чем Саида, чем всей этой свадьбы. Потому что ненависть была понятной, знакомой и безопасной.

– Я не знаю, – прошептала я самую честную ложь.

Камилла не настаивала. Она просто ждала, пока я сама скажу то, что не могла сказать вслух.

Мы пили чай, и я рассказывала ей о том дне, когда брат Нияз привел в дом сестру Саида. О том, как отец смотрел на меня, когда объявил о помолвке – с такой смесью вины и надежды, что я чуть не разрыдалась.

Камилла слушала, иногда кивая, иногда хмурясь. Её пальцы задумчиво крутили край шоколадной обёртки. Она всегда понимала меня лучше всех.

Когда я закончила говорить, она внимательно всмотрелась в мои глаза и тихо спросила:

– Алия, ты боишься его или боишься, что он тебе нравится?

Это был самый верный вопрос, на который я не успела ответить.

Мой телефон на столе завибрировал. Экран засветился неизвестным номером.

Опять Булатов житья не дает? Что ему от меня надо?

Если он такой приставучий сейчас, когда между нами лишь договор, то что будет после свадьбы?

– Алия? – Камилла щёлкнула пальцами перед моим лицом.

– Да-да, прости, – я рассеянно улыбнулась. – Просто телефон звонит...

Телефон снова завибрировал в такт моим словам. Тот же номер.

Нахмурившись, я всё же решила ответить. Просто приложила телефон к уху, но ничего не сказала. Пусть знает, что я не буду играть в его игры.

В трубке повисла тишина, а затем раздался голос:

– Привет, золотце. Скучала?

Кровь отхлынула от лица.

Я узнала этот голос так же, как узнала бы запах дыма в закрытой комнате.

Хасан.

Мой бывший.

Тот, от кого я бежала через полстраны.

Я нажала на красную кнопку с такой силой, что телефон выскользнул из влажных пальцев и упал на стол с глухим стуком.

– Алия? Что случилось? – Камилла перегнулась через стол, схватила меня за плечи. – Ты белая как мел!

Я попыталась что-то произнести, но горло перехватило. Внутри всё дрожало от животного страха. В ушах всё ещё звучал его мягкий, вкрадчивый голос, которым бывший убаюкивал меня, когда я верила, что он любит.

– Это он, – выдохнула я. – Хасан.

Камилла замерла. Её глаза расширились, в них промелькнуло понимание, смешанное с гневом.

– Тот поганец? – её голос стал жёстче.

Горло саднило, будто я глотала стекло.

– Он два месяца не давал мне покоя в Москве, а потом исчез. Я думала, это конец...

Телефон снова завибрировал. Тот же номер.

– Не бери, – Камилла накрыла мою руку своей. – Мы что-нибудь придумаем.

Я кивнула, но внутри меня разрасталась пустота.

Я вспомнила тот день, когда всё рухнуло.

Ночной клуб, мигающие огни, запах духов и пота.

Мой бывший, которого я поймала за непристойными делами. Вначале он казался таким романтичным, таким добрым: столько цветов мне дарил, на свидания приглашал, хотя я отказывалась, ссылаясь на учебу.

Я ведь правда влюбилась в него, как последняя дура. Когда я поймала его на многочисленных изменах в ночных клубах, то просто ушла от него, публично унизив при этом. Назвала его блядуном, потаскуном, человеком с букетом венерических болезней.

Тогда мои слова казались мне крутыми, но вот после, когда бывший начал охотиться за мной... мне стало страшно.

Я ведь отчасти и была рада вернуться домой. Здесь он меня не достанет. Хасан далеко, в Москве. Так что, поводов переживать нет.

Но в глубине сидит страх.

Я знаю, что нанесла публичное оскорбление парню, хоть и заслуженно. Ни один кавказский мужчина не простит такое, но моей вины нет. Он обманул меня. Думал я не узнаю, проглочу, смирюсь.

– Я пойду домой, Ками. Уже поздно.

Встаю из-за стола, делая вид, будто все нормально, хотя у самой ноги и руки трясутся. Подруга провожает меня до ворот и мы прощаемся.

Хасан далеко. Он не знает, где я живу. Он просто звонит, чтобы напугать

Я прохожу несколько домов, и оказываюсь возле нашего дома. Прежде чем зайти, замечаю ту самую машину, которая притаилась в конце улицы в темноте и следит за мной.

Саид.

По спине бежит колкий холод.

Если он узнает о моем бывшем... Если Булатов вообще узнает, что я с кем-либо встречалась... это станет концом всего и началом новой войны.

Глава 13

Утро ворвалось в мою комнату вместе с голосом матери. Звонким, тревожным, как набат.
– Алия! Вставай! Булатовы уже подтвердили – в субботу приедут за невестой! У нас два дня! Два дня, доченька!

Я открыла глаза с трудом, будто веки налились свинцом. Два дня. Даже не срок, а насмешка судьбы.

Я лежала в постели, глядя в потолок, и считала удары сердца, каждый из которых приближал меня к пропасти. Тело было тяжёлым, словно я не спала, а всю ночь таскала мешки с камнями. Голова гудела тупой, настойчивой болью.

– Два дня, – прошептала я в пустоту.

Мама уже хлопотала по комнате, собирая вещи для поездки в город. Я смотрела на её быстрые, привычные движения и думала о том, что она делает это не впервые. Она уже выдавала замуж мою сестру. Но сейчас, глядя на меня, мама будто старалась не встретиться со мной взглядом, будто боялась увидеть в моих глазах то, что не хотела признавать: я не хочу этого брака.

– Доченька, вставай, – повторила она мягче, коснувшись моего плеча. – Нам так много нужно успеть.

Я села на кровати, и комната поплыла перед глазами. Свадебное платье, украшения, приданое... Список в голове казался бесконечным, как дорога в никуда.

Дорога до города заняла около часа. Я сидела на заднем сиденье машины брата, прижавшись лбом к прохладному стеклу, и смотрела, как горы медленно сменяются равниной, как зелень становится бледнее, а воздух тяжелее. Где-то там, вдалеке, осталось наше село, мои утренние прогулки на Изумруде, моя свобода. Я знала, что возвращаться сюда буду уже другой – не той Алией, что смеялась на ветру.

Мама крепко держала меня за руку, пока мы шли по городскому рынку между рядами с домашними платьями и платками. Я понимала, что она тоже боится. Но бежать было некуда. Судьба уже решила всё за меня.

– Мам, – прошептала я, когда мы заворачивали в свадебный салон, – если бы я могла выбирать...

– Не надо, доченька, – перебила она тихо. – Сейчас не время для сожалений. Ты – невеста, и ты будешь самой красивой невестой.

Салон встретил меня запахом духов и свежей ткани. Хозяйка, полная женщина в цветастом платке, уже ждала нас, и я поняла Булатовы позаботились о том, чтобы всё было готово.

– Алия, дорогая, я подобрала для вас несколько вариантов, – она взяла меня под руку и повела в примерочную.

Я перемерила несколько платьев. Что-то было слишком вычурным – золотая вышивка, бисер, тяжёлый подол. Что-то мама отвергла сразу: «Недостаточно традиционное, слишком открытое». Что-то мне самой не понравилось – кружево душило, царапало кожу.

Но было одно платье, которое стояло на вешалке, скрытое от чужих глаз.

Белый шёлк, гладкий, как вода, без единой золотой нити. Никакой вышивки, никакой тяжести. Только длинная фата, ниспадающая до пят, словно туман.

– Мам, посмотри... Я хочу примерить это.

Хозяйка замешкалась, мол, платье привезли только утром, даже распарить не успели, но я уже стояла в примерочной и надевала его на себя.

Белое платье облегалo фигуру, дeлaя мeня старшe, сeрьeзнee. Я пoвeрнулaсь, и фaтa взмeтнулaсь зa мoeй спинoй, кaк крылo. Нa миг я пpeдстaвилa сeбя пeред муллoй, с Сaидoм рядoм. И сeрдцe бoльнo дpoгнулo.

Мaмa вoшлa и зaмeрлa нa пoрoгe.

– Кaкaя жe ты у мeня крaсивaя, – пpoшeптaлa oнa, и в ee глaзax блeснулa слeзы. – Кaк aнгeл.

Я улыбнулaсь, нo улыбкa вышлa гoрькoй, пoтoму чтo aнгeлoв нe пpoдaют зa щeдрый кaлым.

Мы вышлa из салoнa, и я снoвa пoчувствoвaлa тeжeсть в нoгax. Сoлнцe ужe пoднялoсь вoсxoдo, пaлилo нeщaднo, и в рукaх у нaс былo стoлькo пaкeтoв, чтo пaльцы oнeмeли. Мaмa хoтeлa зaйтa eщe в мaгaзин ювeлирных укрaшeний, нo я oстaнoвилa ee.

– Мaм, я бoльшe нe мoгу. Нoги гудят, пoясницa нoeт. Ты иди oднa, a я пoсиджу в пaркe, пoдышу. Всe рaвнo ничeгo в зoлoтe нe смeслy.

Онa кoлeбaлaсь, смoтрeлa нa мeня с трeвoгoй, нo пoтoм кивнулa:

– Хoрoшo. Я бeстрo. Пoзвoни Ниязу, скaжи, чтoбы пoдъeзжaл. И... – oнa пoнизилa гoлoс, – нe уxoди никудa. Ты пoнимaeшь?

Я кивнулa, и oнa ушлa, oстaвив мeня нa скaмeйкe в oкружeнии пaкeтoв.

Я пpислoнилaсь к спинкe, зaкрылa глaзa. Вeтeр шeвeлил мoи вoлoсы, и я пoзвoлилa сeбe нa минуту зaбытьсa, пpeдстaвить, чтo я пpoстo гуляю, чтo зaвтpa нe будeт никyхa, чтo я нe стaну жeнoй Булaтoвa.

Минуту умирoтвoрeния рaзрушил тeлeфoн. Я нeхoтa oткрылa глaзa, дoстaлa eгo. Сoбщeниe oт Сaидa.

«Зaвтpa мyллa зaключит мeждy нaми никaх, и ты стaнeшь мoeй нaвсeгдa. Гoтoвьсa, упрямaя кoзa.»

Я фыркнулa, нo внyтри чтo-тo дpoгнулo oт пpoчитaннoгo. Он нaзывaл мeня кoзoй. Всeгдa. И я нeнaвидeлa этo пpoзвищe, нo сeйчaс, пpoчитaв eгo, я нeвoльнo улыбнулaсь.

Вспoмнилoсь, кaк впeрвыe услышaлa eгo. Мы стoяли y eгo дoмa, я былa злa, трeбoвaлa oбъяснeний, a oн пpoстo смoтрeл нa мeня с этoй свoeй пoлyусмeшкoй.

– Пoчeмy ты oбзывaeшь мeня кoзoй? – кpикнулa я тoгдa. – Я тeбe чтo, живoтнoe?

– Нeт, – oн дoстaл тeлeфoн, пoкoпaлся в гaлeрee и пoкaзaл мнe снимoк. – Смoтри. Этo нaшa кoзa. Oнa бeлaя, кaк ты. И тaкaя жe упeртaя. Пoстoяннo сбeгaeт из зaгoнa, пpoлeзaeт в лyбoю щeль. Я зa нeй бeгaю пo вceмy сeлy. A oнa стoит гдe-нибyдь нa скaлe и смoтрит нa мeня свeрхy вниз, кaк бyдтo я eй дoлжeн.

Я тoгдa рaссмeялaсь, нe сдeржaвшиcь и Сaид ширoкo улыбнyлся в oтвeт. В тoт миг oн нe был Булaтoвым, сынoм влиятeльнoгo рoдa. Oн был пpoстo мyжчинoй, кoтoрый бeгaл зa кoзoй, кaк мaльчишкa.

Тeпeрь я смoтрю нa eгo сoбщeниe, и улыбкa всe eщe игрaeт нa мoих гyбax. Нo oнa тyт жe гaснeт.

Пoтoму чтo чья-тo тeнь нaкрывaeт мeня. Я пoднимaю гoлoвy, и мир взрывaeтcя.

Хасан...

Он стoит в трeх шaгax oт мeня, и ухмылaeтcя тoй сaмoй ухмылкoй, кoтoрyю я нeнaвижy вceм сeрдцeм.

Этo нe иллyзия. Нe брeд мoeгo мoзгa.

Этo пpaвдa oн.

– Ну пpивeт, зoлoтцe, – гoвoрит oн, и eгo вкpaдчивый, мaслянистый гoлoс пpoникaeт пoд кoжy, кaк иглa. – Нe oжидaлa yвидeть мeня здeсь?

Я нe мoгу пoшeвeлитьcя. Мoи рyки, сжимaeющиe пaкeты, зaнoвo нeмeют. Внyтри мeня всe oбoрвaлoсь. Сeрдцe ухнyлo вниз, в пyстoтy, oстaвив вмeстo сeбя лeдянoй кoм.

– Кaк... – мoй гoлoс срывaeтcя. – Кaк ты... Ты нe дoлжeн был знaть, гдe я.

Хасан усмехается и делает шаг вперёд.

– Милая, я всё знаю. Что ты выходишь замуж за Булатова тоже. За этого... – он кривит губы, – важного человека. И я приехал поздравить тебя. Лично.

Поверить не могу, что в этого человека я когда-то была влюблена. Я, которая всегда считала себя умной... проглядела его. Красные флаги, которыми он был увешан вдоль и поперёк, казались мне тогда просто недостатками, которые можно исправить. Какая же я была дура.

– Мы не закончили наши дела, дорогая. Думала, сможешь опозорить меня и выйти сухой из воды? Думаешь, сможешь просто так вычеркнуть меня из своей жизни? После всего, что между нами было?

Между нами ничего не было кроме твоих измен. И ты это знаешь.

Его глаза сверкнули гневом.

– Ах, так? – он усмехнулся, но усмешка вышла злой. – Ну что ж, тогда тебе понравится то, что я расскажу твоей семье. О твоей «распутной» жизни в Москве. О том, как ты вешалась на меня, умоляла о встрече.

Я усмехнулась, хотя внутри всё сжалось до боли. В горле пересохло, и каждое слово давалось с трудом.

– И что же ты расскажешь? Что я застала тебя в клубе с другой, когда ты натягивал её прямо на диване в вип-ложе? Что ты превращал отцовскую квартиру в столице в притон, куда таскал девиц каждую ночь? Или, – я сделала паузу, делая голос острее, – как ты пытался затащить меня в постель, обещая золотые горы, а сам уже был занят с другой?

Лицо Хасана перекосилось. Он наклонился ближе. Так, что я почувствовала запах его одеколона, которым он пользовался в Москве. От этого запаха меня замутило.

– У меня есть фотографии, Алиа, – прошептал он почти нежно. – Очень интересные фотографии. Ты на них... так мило выглядишь. В клубе, со спиртным, в том платье, которое ты надела, когда пришла за мной. И если ты не вернёшься ко мне... если не извинишься перед моей семьёй за те слова, что ты сказала... все увидят их. Все. Твой отец. Твой жених.

Он протягивает руку, и я вижу в ней телефон с теми самыми фотографиями.

– Убери это, – шиплю я, пытаюсь встать, но ноги не слушаются. – Твоим фото никто не поверит. А вот твои угрозы... о них узнает каждый в этом городе. Ты не сможешь показаться здесь после того, как я расскажу, кто ты на самом деле.

– Кто тебе поверит? – он засмеялся тихо, почти ласково. – Особенно после того, как ты обозвала меня «блядуном-потаскуном» при всех? Думаешь, ты выглядишь невинной овечкой в этой истории? Ты пришла в клуб, ты пила, ты была в платье, еле прикрывающем зад... Кто знает, что ты там делала, Алиа? Может, ты и сама там развлекалась? Кто тебя знает?

Я почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Он переворачивал всё. Он делал меня виноватой в том, что я поймала его на измене. Он заставлял меня сомневаться в себе, в своей правоте, в том, что я имела право тогда уйти, разорвать всё.

– Ты думала, что сможешь просто уехать и забыть меня? – его голос становится страшнее. – Я не простил тебя, Алиа. Ты опозорила меня перед всеми. А теперь ты станешь женой Булатова и думаешь, что я смирюсь?

Я сжимаю кулаки, пытаюсь унять дрожь. В ушах шумит, слышу, как внутри меня что-то ломается – последняя надежда на то, что это всего лишь сон.

– Если ты подойдёшь ближе, я закричу. Здесь полно людей. Они увидят. А мой жених голову тебе открутит.

Хасан останавливается. Его глаза сверкают злостью, но он удерживает улыбку.

– Кричи, – шикает на меня. – Но знай, у меня есть доказательства. Фотографии, которые я покажу твоему жениху и тогда твой идеальный Булатов узнает, какую женщину он берёт в жёны.

Будто в насмешку телефон в моей руке вибрирует. Я смотрю на экран сквозь пелену слёз.

Снова Саид.

«Ты сейчас в центре? Встретимся на обеденном перерыве? Я подъеду.»

Нет. Только не сейчас.

Я не могу позволить ему увидеть меня с Хасаном. Я не могу позволить ему узнать правду.

Я смотрю на Хасана, в глазах которого плещется торжество. Он знает, что я загнана в угол.

– Ты не посмеешь, – шепчу я.

– Посмею, – отвечает он и добавляет, почти нежно: – Ты сама виновата, Алиа. Ты должна была остаться со мной. А теперь... ты заплатишь за своё высокомерие.

Он разворачивается и уходит, оставляя меня с трясущимися руками и горящим от стыда лицом. Я смотрю ему вслед, и в голове бьётся только одна мысль: Саид не должен узнать. Никто не должен узнать.

Я поднимаю телефон, вижу его сообщение, и пальцы сами печатают ответ:

«Нет. Не надо. Я уже уезжаю.»

Отправляю.

А сама сижу, прижавшись спиной к скамье, и смотрю, как тает в толпе фигура Хасана.

Глава 14

Я дошла до остановки, опустилась на скамейку, и только тогда позволила себе выдохнуть. Пакеты упали на землю. Руки тряслись так, что я не могла их унять.

Нужно рассказать семье.

Нужно сказать маме, отцу. Они защитят.

Но как? Что я скажу?

«Я ходила в ночной клуб, мама. В Москве. Пила шампанское в коротком платье. И бывший теперь шантажирует меня этим»?

Отец сотрёт меня в порошок. Он запретил мне даже думать о такой жизни, а я жила ею. И Саид...

Я закрыла глаза, и передо мной встало его лицо. Тёмные глаза, в которых нет пощады. Его молчание, которое хуже крика. Его руки, сжимающие пистолет. Если Саид узнает о фотографиях... если кто-то покажет их ему...

Он не простит. Булатовы не прощают позора. А я стану для него позором. Грязным пятном на его безупречной репутации. Он убьёт Хасана, это я знаю. Но убьёт ли он меня? Или закроет в клетке, из которой я никогда не выйду? Он будет смотреть на меня с отвращением, как на испорченную вещь.

Я сжала голову руками, пытаюсь унять дрожь.

Ничего не делать... Промолчать. И надеяться, что Хасан просто исчезнет. Что его угрозы – пустые слова.

Когда я возвращалась домой, в машине брата, я смотрела в окно на проплывающие мимо горы и думала о том, что всё могло быть иначе. Если бы я не была такой наивной. Если бы я слушала подруг в универе, когда они говорили мне: «Алия, он не тот, за кого себя выдаёт. Он бабник. Он тебя обманывает». Но я не слушала. Я видела только то, что хотела видеть: его улыбку, его подарки, его обещания. Я думала, что смогу его изменить. Что моя любовь будет сильнее его привычек.

Какая же я была дура.

Теперь я расплачиваюсь за свою глупость. И мне остаётся только молчать и надеяться, что буря пройдёт мимо.

Я смотрела имя Булатова на экране, на эти буквы, и думала о том, что завтра я стану его женой. Я войду в его дом, в его постель, в его жизнь. И принесу с собой этот страх, эту тайну, этот яд.

Если он узнает правду, я потеряю его раньше, чем успею узнать, каков он на самом деле. И, может быть, это будет самым большим наказанием из всех.

К вечеру мы вернулись домой, уставшие, но довольные. Мама тут же начала раздавать указания:

– Завтра с утра начнём готовить угощения для сватовства. Алия, тебе нужно отдохнуть, завтра будет тяжёлый день.

Но как можно было отдыхать, когда в голове крутились мысли о предстоящей свадьбе? О Саиде. О том, что ждёт меня впереди.

Не смотря на усталость, я помогла кое с какими приготовлениями, собрала купленные вещи в чемоданы, упаковала всё как надо и в постель легла только после полуночи.

Лёжа в кровати, я вспоминала тот день, когда узнала о решении наших семей. Из-за закрутившихся обстоятельств кажется, это было так давно... А ведь прошло всего несколько дней. Тогда я молилась в надежде, что всё обойдется, что Булатовы простят моему брату его поступок, раз их дочь сама к нам пришла.

Мама заглянула в комнату в тот самый момент, когда на телефон пришло очередное уведомление:

– Доченька, ты спишь? – спросила она шёпотом.

– Нет ещё, мам, – я отложила телефон и слегка подвинулась, освобождая ей место на краю кровати.

Мама бесшумно опустилась рядом. Я почувствовала запах её духов – тот самый, который помнила с детства, запах уюта и безопасности.

– Знаешь, – начала она тихо, – я понимаю, как тебе тяжело. Но это правильное решение, Алия. Семья Булатовых – достойная семья. Они уважают своих женщин. Ценят их.

– Уважают? – я горько усмехнулась, глядя в стену. – Или просто не позволяют им выходить за пределы своей клетки?

В её глазах мелькнула тень – она знала, о чём я говорю. Но она не хотела признавать это.

– В молодости я всегда смотрела на мать Саида, – сказала она после паузы, и её голос стал мягче, мечтательнее. – Такая статная женщина, ухоженная, с достоинством. Всегда в окружении мужчин из своей семьи. Ни шагу без их опоры. Такая поддержка многого стоит, Алия. Ты думаешь, почему они так озверели из-за поступка дочери?

Потому что честь для Булатовых – это всё. И я, входя в их дом, становилась частью этой чести. Или её позором.

– Мама, – прошептала я, глядя в потолок, – о Булатовых все говорят либо с благоговением, либо со страхом. Моя жизнь будет похожа на золотую клетку. Ты же понимаешь это.

Она вздохнула, и я услышала в этом вздохе всё, что она не могла сказать вслух: да, понимаю. И мне больно это знать. Но выбора нет.

– В каждой клетке можно найти дверь. Иногда она просто притворена.

Я не знала, что ответить. Только думала о том, что она тоже была когда-то молодой, тоже боялась, тоже не хотела. Но она приняла свою судьбу. И теперь она пыталась помочь мне принять мою.

Но как я могла принять её, когда внутри меня жила тайна? Когда в любой момент Хасан мог уничтожить всё, что я пыталась построить? Когда правда о моём прошлом могла разрушить и мою семью, и моё будущее?

– Мам, – сказала я, и голос мой дрогнул, – если бы вы знали... если бы ты знала, что я сделала... всё могло бы быть иначе?

Мама посмотрела на меня долгим, внимательным взглядом. Коснулась моего подбородка, заставляя посмотреть ей в глаза.

– Завтра у тебя будет новая жизнь. И всё, что было до, останется там, где ему место. Поняла?

Я кивнула, но в груди застрял ледяной ком. Она не знала. Она не могла знать. И я не могла ей рассказать.

– Спи, – прошептала мама, поцеловала меня в лоб и бесшумно выскользнула из комнаты.

Телефон снова звякнул. Я потянулась к нему со слипающимися глазами. Экран вспыхнул, ослепил меня, и я прищурилась, пытаясь разобрать буквы.

Сообщение. Но не от Саида. Номер, который я не сохранила, но узнала бы из тысячи.

Прочитав текст, я уронила телефон на кровать, как будто он обжёг мне пальцы.

Я закрыла глаза и прижала ладони к лицу, пытаясь заглушить рвущийся наружу крик.

Что мне делать? Бежать? Сказать Саиду? Молчать?

Я не знала. Я знала только одно: завтра я стану его женой. Но буду ли я жива, когда правда выйдет наружу?

Глава 15

Утро нового дня пришло не как рассвет, а как удар.

Свадебные приготовления захлестнули дом с первыми лучами солнца. Мама носилась по комнатам, раздавая указания, соседки хлопотали на кухне, пахло пловом, зеленью, сладким тестом. Я стояла посреди этого хаоса, как камень в реке. Меня обтекало, внутри была пустота, в которой эхом отдавался каждый звук.

Дом наполнился гостями. Музыка, смех, звон посуды – всё это казалось мне чужим, будто я смотрела на свою жизнь со стороны. Женщины суетились вокруг меня, поправляя платье, вплетая украшения в волосы, нанося лёгкий макияж на мое бледное лицо. Я позволяла им делать это, потому что не могла сопротивляться. Сопротивляться было уже поздно.

Семья Булатовых прибыла с дарами, которые должны были затмить всё, что видело наше село. Корзины с фруктами и сладостями, брендовые пакеты, и самое главное – украшения для меня.

Тётя Саида, статная женщина с цепким взглядом, разложила их на столе, как на витрине: кольцо с бриллиантом, сверкающим так, что резало глаза, и браслет из золота с россыпью камней поменьше.

– Подойди, дорогая, застегну, – сказала она, и я послушно протянула руку. Браслет оказался чуть великоват на моём тонком запястье, и она рассмеялась: – Ты только ешь побольше. Нашему мальчику нужна крепкая жена!

Я улыбнулась, хотя внутри всё трепетало от страха. Моя сестра Дамира, увидев бирки, беззвучно свистнула и толкнула меня локтем. Я знала, что это должно было означать: «Они не покупились». Но для меня эти украшения были не знаком любви, а клеймом собственности. Каждый блеск камней говорил, что отныне я принадлежу роду Булатовых.

А я молчала. Я была невестой, и невесте положено улыбаться.

Когда закончили с подарками, я помогала матери обустраивать гостей, улыбалась, кивала, хотя внутри всё сжималось от тревоги.

Самого жениха на церемонии, как правило, нет. Мулла уже спросил у Саиды его согласие на наш брак и теперь меня зовут в отдельную комнату, чтобы я дала свое.

Я прикрыла волосы платком, опустила взгляд как учили. Со мной рядом Зулихан и моя сестра Дамира, которая в браке смыслит гораздо больше меня, хоть и младше. Где-то в зале сидел отец, брат, мужчины нашего рода.

Мулла начал читать молитву. Я повторяла за ним, но слова проходили сквозь меня.

– Даешь ли ты согласие на брак с Саидом, сыном Имрана?

Мулла посмотрел мне прямо в глаза.

Я от растерянности не сразу сообразила, что сказать. Молчала неприлично долго и тогда сестра сжала мою руку, намекая, чтобы я ответила.

– Дочка, спрошу еще раз, – терпеливо повторил мулла: – Согласна ли ты? Хотя бы кивни, если согласна.

И я кивнула. Один раз будто отрубила что-то внутри себя. И в тот же миг что-то щёлкнуло, как замок, который захлопнулся навсегда.

Мулла прочитал заключительную молитву. Поздравления посыпались со всех сторон. Теперь я была женой Саиды Булатова.

Я выбежала из комнаты, как только смогла, и рванула на кухню. Плеснула в лицо холодной водой, выпила целый стакан, но лицо всё равно горело. Ладони были влажными, сердце колотилось где-то в горле. Я смотрела на себя в зеркале кухонного пенала и не узнавала девушку с горящими глазами и дрожащими губами.

«Ты теперь его, Алия. По всем законам».

Я пробиралась через толпу гостей, когда чья-то маленькая рука ухватила меня за подол платья.

– Тетенька, тетенька! – мальчуган лет семи смотрел на меня снизу вверх. – Там тебя дяденька на улице зовёт! Говорит, очень важно!

Я замерла.

Саид? Но он не должен быть здесь, на церемонии. Он решил сделать сюрприз? В его духе – нарушать правила, чтобы доказать, что он может всё.

– Где он? – спросила я, уходя вслед за детьми.

– Иди за мной!

Дети, хихикая, повели меня через двор, к дальней части сада, туда, где заканчивался забор и начиналась тёмная, дикая трава. Здесь было почти темно, только тусклый фонарь отбрасывал жёлтое пятно на землю.

– Сюда-сюда!

Дети с шумом убежали, оставив меня одну в этом странном, полумрачном месте.

Я огляделась. Никого.

Чертов романтик, и где он? Даже если мы уже женаты, некрасиво вот так видеться.

– Саид? – позвала я негромко.

В ответ тишина и вдруг спустя мгновение, шаги за спиной. Резко обернувшись, я столкнулась с ним. Он стоял в трёх шагах, в чёрной рубашке с расстёгнутым воротом, без пиджака, и смотрел на меня так, будто видел впервые. А потом его взгляд неторопливо прошёлся по моему платью, задерживаясь на открытых плечах, на выступивших ключицах.

– Алия? – голос мужчины прозвучал неожиданно мягко и... удивленно. – Что ты здесь делаешь одна в такой темноте?

Я с трудом сглотнула ком в горле, пытаясь взять себя в руки. Что он имеет в виду? Разве не он подослал ко мне детей, чтобы я вышла к нему? Что происходит?

– Я... я просто вышла подышать воздухом, – мой голос предательски задрожал. – А ты что тут делаешь? Почему не празднуешь с друзьями?

Саид медленно огляделся по сторонам, на кусты, на тропинку, ведущую к дому.

– Здесь не место для прогулок в одиночестве.

Булатов подошёл ближе, и я уловила терпкий запах его одеколona, смешанный с чем-то тёплым, почти сладким. Но под ним, едва уловимо, скользнул другой запах. Горьковатый, резкий.

Я нахмурилась. Он выпил? Немного, но достаточно, чтобы я почувствовала это на расстоянии вытянутой руки. Празднует нашу свадьбу на всю катушку, пока я здесь умираю от страха.

– Ты пьян? – вырвалось у меня, и в голосе прозвучала не столько злость, сколько удивление.

Саид усмехнулся.

– Немного, – признался он, в его голосе появилась непривычная хрипотца. – Сегодня особый день, Алия.

Я отступила на шаг, но моя спина тут же уперлась в шершавый ствол старого дерева, и кора больно впилась сквозь тонкую ткань платья. Он последовал за мной, сокращая расстояние с пугающей быстротой. Его горячее, сильное тело, почти пульсирующее в этой темноте, окутало меня, смешивая запах терпкого напитка с чем-то более интимным, более опасным: запахом мужского возбуждения.

Я вжалась в кору, пытаясь стать меньше, незаметнее, но Саид не давал мне ни миллиметра пространства. Развязный и жадный взгляд медленно прошёлся по моим плечам, обнажённым в этом платье.

– Тебе холодно?

– Нет, – выдохнула я, потому что внутри всё горело.

Мне было жарко от него. От того, как он смотрит и дышит.

Саид остановился в опасной близости. Так близко, что я видела, как поднимается и опускается его грудь, как воздух между нами становится плотным, почти осязаемым. Он не касался меня, но я физически ощущала вес его рук, их тяжесть. Он наклонился чуть ниже, прямое дыхание обожгло мою шею, оставляя на коже мурашки.

– Строптивая коза сказала «да».

В мужском голосе звучало торжество, смешанное с чем-то более глубоким, почти нежным.

– Я кивнула, – возразила я. – Просто кивнула, потому что не могла говорить.

– Неважно, – цокнул он, его с силой уперлась в кору дерева у самого моего виска, нависая надо мной, загоняя в ловушку

Я хотела оттолкнуть его, сказать, что я не хочу этого брака, что боюсь. Но вместо этого я просто смотрела в его чёрные, глубокие, как ночное небо глаза и отчетливо видела в них голод. Такой сильный и откровенный, что у меня сдавило в горле.

Булатов был пьян. Не сильно, но достаточно, чтобы его глаза блестели, а движения стали чуть более резкими, более откровенными.

– Ты думаешь, что меня можно просто взять? – я трусливо вжалась в дерево в попытке сохранить расстояние между нами.

– Нет, – он качнулся чуть ближе, рука, всё ещё упирающаяся в дерево, слегка дрожала – Думаю, что тебя нужно завоевать, Алия. И я готов.

В его словах была такая сила, такая абсолютная уверенность, что я на миг поверила ему. Поверила, что он действительно готов ждать. Что я для него – не просто трофей, а живой человек, которого нужно завоевать.

Мысль о том, кто же на самом деле позвал меня сюда, промелькнула в голове, как тень. Если не Саид, то кто? Дети ошиблись? Перепутали? Они даже не знали, как меня зовут. Или это была чья-то злая шутка?

Но в следующий миг все мысли исчезли.

– Я пойду домой, – сказала я, пытаюсь обойти Булатова, но он преградил путь, заслонив собой весь свет фонаря, оставив меня в своей тени.

Прежде чем я успела осмыслить, он сделал то, чего я боялась. Его рука, всё ещё прижатая к дереву, скользнула вниз к моей талии, сжала ткань платья и рывком притянула меня к себе. Я врезалась в его грудь.

– Саид...

Пальцы впились в мою поясницу, прижимая так сильно, что я не могла дышать. Или это не от его хватки, а от того, что воздух между нами исчез, вытесненный его жаром, его запахом, его пульсирующим желанием?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.